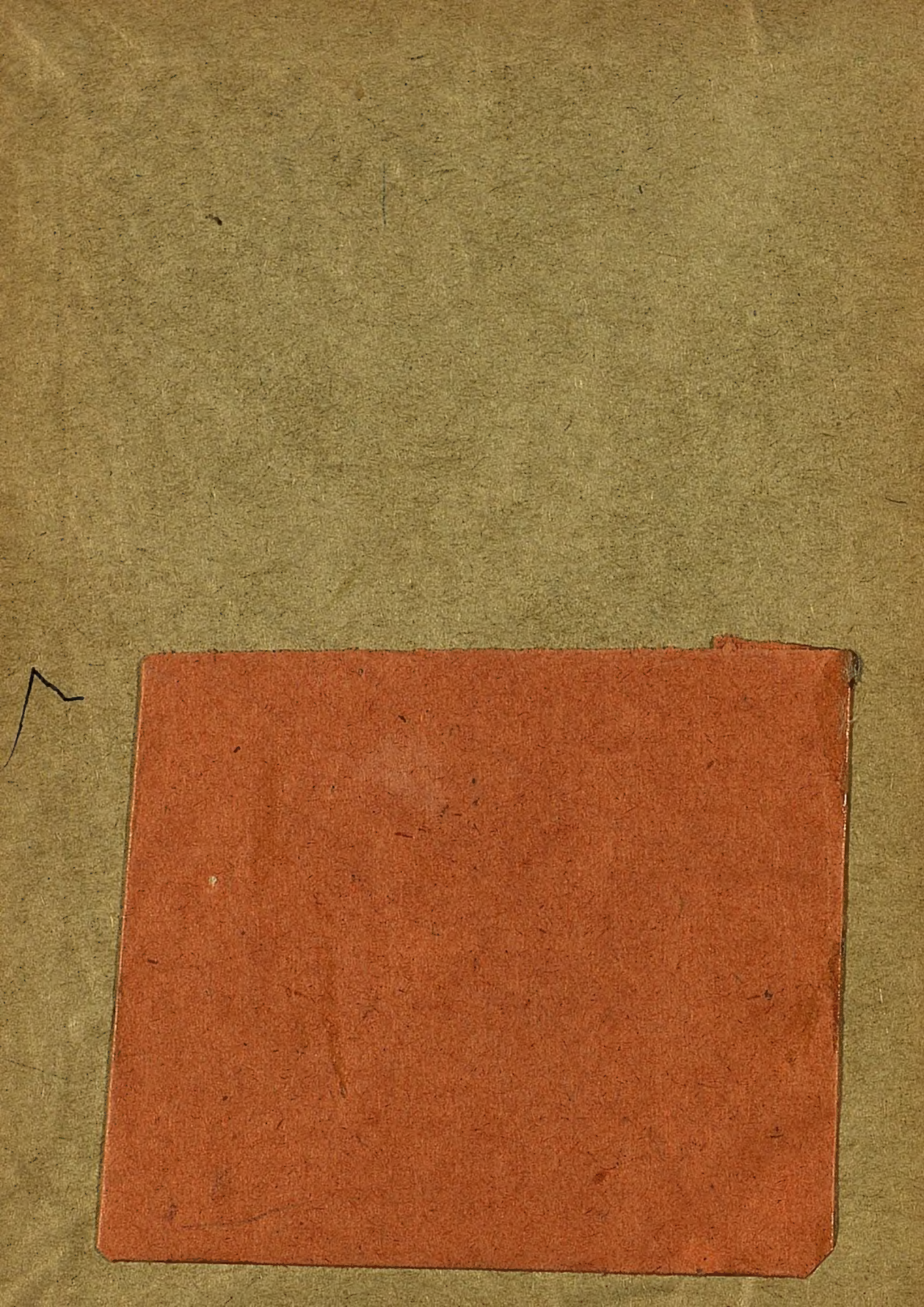
248
1167
K43



Книги—общественное достояніе, онѣ служатъ не одному, а многимъ.

Берегите книги!

Не перегибайте книгу во время чтенія.
Не загибайте угловъ
Не дѣлайте надписей на книгѣ.
Не смачивайте пальцевъ слюною, перелистывая книгу.
Завертывайте книгу въ бумагу, когда идетъ дождь или снѣгъ.

ф. № 694-15.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

248—1
1167
ОБ
400
К 43
331
К-42
1843

А. КИРЖНИЦ

Библиотека Озерского Рабочего клуба

В годы империалистической войны

Объединенная библиотека И. К. 10859

(Очерк рабочего движения России).

5/50

Издательство МГСПС „Труд и книга“
МОСКВА—1924 г.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
620682

Отпечатано в 3-й типогр. „Красная Пресня“ „Мосполиграф“, им. Богуславского. М. Грузинская ул., Охотничий пер., дом 5/7, в количестве 8.000 экз. Мосгублит № 12954.

ОТ АВТОРА.

Предлагаемый очерк рабочего движения в России в годы империалистической войны не является ни новым исследованием, ни историей кануна второй русской революции.

БИБЛИОТЕКА Заводского

Задачи автора настоящего очерка были значительно скромнее: по рабочей прессе описываемой эпохи и материалам, опубликованным после революции, дать более или менее связный и доступный широкому рабочему читателю краткий очерк пролетарской борьбы в России в годину империалистической бойни в ее последовательном развитии, обрисовать в общих чертах экономическую и политическую обстановку, в которой эта борьба протекала, и выявить роль и участие в ней различных партий и группировок, влиявших на ее характер, направление и идейное содержание.

Срочность работы и ограниченность об'ема, к сожалению, не позволили использовать весь имеющийся материал, что, несомненно, не могло не отразиться на полноте освещения отдельных моментов героической борьбы российского пролетариата в военные годы.

При всем том, однако, полагаем, что настоящий очерк, предназначенный для широкого про-

летарского читателя, будет нелишним перед „Неделей десятилетия империалистической войны".

Кроме некоторых личных воспоминаний, автор при составлении очерка использовал следующие литературные источники:

„Пролетарская революция" М. № 9 (1922 г.) №№ 13, 14, 15 и 16 (1923 г.); „Архив истории труда в России", Л-д №№ 6—7 и 8 (1923 г.); „Красный Архив", М. № 2 (1922 г.); „Наше печатное дело", Л-д (1914, 1915 и 1916 гг.); „Голос печатного труда", М. (1916 и 1917 гг.); „Служащий", Л-д (1916 г.); „Текстильщик", Л-д (1915 и 1916 гг.); „Известия императорского вольно-экономического об-ва", Л-д (1914 г.); „Наш Голос" (газета), Самара (1915 и 1916 гг.); А. Шляпников: „Канун семнадцатого года", М. 1920 год и „Семнадцатый год", М. 1923 г.; Ив. Меницкий: „Рабочее движение и соц.-демократическое подполье Москвы в военные годы", М. 1923 г.; А. Панкратова: „Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику", М. 1923 г.; „Памятники агитационной литературы Российской соц.-дем. рабочей партии", том. VI (1914—1917). Период войны. Вып. I. Прокламации 1914 г., М. 1923 г.; С. Пионтковский: „Хрестоматия по истории Октябрьской революции, М. 1923 г.; „Накануне революции", сборник статей, заметок и воспоминаний под ред. Н. Овсянникова, М. 1922 г.; „Путь к Октябрю", вып. I. М. 1923 г.; „Материалы по истории профессионального движения в России", сборник первый, М. 1924 г.

А. К.

ГЛАВА I.

Накануне войны.

Рабочее движение в период реакции. — Первые признаки под'ема. — Рост рабочего и революционного движения. — „Ленские дни". — Возрождение рабочей прессы. — Борьба с „ликвидаторством". — Обострение политической борьбы рабочего класса. — Баррикады на улицах Ленинграда накануне войны.

Беспросветная реакция, воцарившаяся в России после кровавого подавления революции 1905 г., казалось, окончательно разгромит и до основания разрушит молодое и еще неокрепшее рабочее движение.

Рабочие и революционные организации были разгромлены. Руководители и работники их томились в царских тюрьмах и казематах, гибли в сибирской тайге и на каторге. Мелко-буржуазная интеллигенция, напуганная и терроризованная разгулом контр-революции, панически бежала с поля сражения, стремительно отряхнув с ног своих прах своего революционного прошлого.

Рабочие массы, предоставленные самим себе, окруженные тесным кольцом стремительно наступавшего врага, растерялись. Об оказании организованного сопротивления при таких условиях, конечно, не могло быть и речи. Рабочим не уда-

лось отстоять даже экономических завоеваний первой революции. После ее разгрома капиталисты, пользуясь наступившей реакцией и слабостью рабочих, начали отнимать одну за другой уступки, вырванные у них рабочими в период революции.

Рабочие массы были дезорганизованы и впали в глубокое уныние. Тонкая сознательная прослойка их вместе с немногими, оставшимися верными пролетарскому делу интеллигентами, была загнана в глубокое подполье, откуда они старались, насколько это было возможно при описанных условиях, поддерживать связь с массами.

Картина распада рабочего движения в этот период торжества мрачной реакции дополнялась необычайным развитием провокации и предательства, с одной стороны, и пышным расцветом различных теорий ликвидации революционного рабочего движения, — с другой.

Так называемое „ликвидаторство“, которое впоследствии сыграло такую печальную роль в русском рабочем движении, вылившись в современный контр-революционный меньшевизм, формально возник и расцвел именно в этот период реакции и упадка.

Русская буржуазия, в том числе и либеральная, которая еще совсем недавно заигрывали с рабочим классом, теперь, после разгрома рабочего движения, со свойственным ей цинизмом а грубой откровенностью, радостно потирала руки·

Опасный враг, повергнутый в прах, окончательно раздавлен. Пришибленному и приниженному рабочему уже не поднять головы, и самая бессовестная эксплоатация уже не встретит противодействия.

Такие радужные надежды лелеяла в черную годину реакции капиталистическая буржуазия, ей в тон подпевала бросившаяся в ее жирные об'ятия либеральная и „демократическая“ интеллигенция.

Но недолго торжествовали могильщики революции. Их торжеству пришел конец гораздо раньше, чем предполагали самые прозорливые и наиболее „пессимистически“ настроенные из них.

Как только начали обнаруживаться первые признаки экономического под'ема, рабочие массы встряхнулись и начали приходить в себя. Начали постепенно исчезать охватившие их в период реакции апатия и уныние. Налицо были все признаки перелома в настроении широких рабочих масс, а за ним уже рельефно вырисовывались очертания нового под'ема.

Движение наростало, конечно, медленно и постепенно. Притти в себя, собрать силы и построить ряды после таких ударов, какие рабочему движению были нанесены в эту эпоху, — было делом нелегким.

Первым предвестником наступающего возрождения рабочего движения были забастовки 1910 г. В течение летних месяцев 1910 г. была заре-

гистрирована 71 стачка, главным образом, текстилей. Осенью стачечное движение перекинулось в металлообрабатывающую промышленность, табачную, швейную и т. п. Всего в этом году было 222 забастовки с числом участников до 50 тысяч.

Стачки 1910 г. были, однако, первым робким шагом, пробой сил возрождающегося рабочего движения. Душная атмосфера полицейской и общественной реакции еще давила и не давала ему широко и организованно развернуться. Но за первым робким шагом неизбежно должен был последовать второй, более смелый и решительный. И, действительно, в следующем 1911 г. стачечное движение сразу дало заметный скачок вверх, превзойдя в два раза количество стачек прошлого года. По официальным данным, в 1911 году имело место 446 стачек с общим количеством участников в 105—110 тысяч.

Но этот год характеризуется не только увеличением количества экономических забастовок. В этом же году начали рельефно проявляться и признаки политического под'ема рабочих масс, нарастания революционных настроений и усиленного и настойчивого стремления к классовой организации и сплочению.

Из стачек, имевших место в 1911 г., четыре с 8383 участниками, имели определенно политический характер. В этом же году начала заметно усиливаться и деятельность подпольных партийных организаций, крепла связь между ними

и рабочими массами. Последние начали чутко прислушиваться к исходящим из социал-демократического подполья лозунгам, усилилось движение за возрождение профессиональных союзов, за восстановление на предприятиях института выборных от рабочих и т. п.

В течение этого года рабочее движение настолько окрепло, что к концу его уже стало необходимым и возможным сделать попытку возродить рабочую прессу, создать рабочую газету „Звезду"—славную предшественницу „Правды",—которая сыграла колоссальную роль в первый период нового под'ема рабочего и революционного движения.

Возрождение рабочего движения в этом году уже стало настолько заметным явлением в политической и экономической жизни страны, что буржуазия и ее печать не на шутку испугались. Рабочий вопрос и рабочее движение, совершенно исчезнувшие, было, со столбцов буржуазной печати, снова и все чаще и чаще стали предметом оживленных и тревожных обсуждений.

И это вполне понятно. Рабочий класс, который ею еще так недавно был похоронен, внезапно воскрес и заговорил таким языком и тоном, от которых буржуазия уж совершенно отвыкла.

„Нам нужно свободно организоваться для защиты своих интересов",—гласило одно заявление, подписанное рабочими. „Нам нужна свобода союзов, собраний, стачек, и ее мы добьемся во что бы то ни стало".

И это не было пустым бахвальством. Рабочие начали сознавать свою крепнущую силу и старались ее использовать для устранения с своего пути многочисленных и разнообразных препятствий, мешавших и задерживавших их наступательное движение. Темп и характер движения в следующем 1912 г. показал, что эти старания не пропали даром, и для всех стало очевидно, что русский рабочий окончательно освободился от оцепенения и уныния, охвативших его после разгрома первой революции.

В этом году стачечное движение разлилось широкой волной по всей стране, охватив все более или менее значительные промышленные районы России. Общее количество стачек на предприятиях, подчиненных фабричному надзору, достигло 2032, а число участников их — 725.491; вместе же с горнорабочими число забастовщиков перевалило за миллион. По сравнению с 1910 годом, количество стачек, стало быть, увеличилось больше чем в 9 раз, а число рабочих, участвовавших в них, почти в 22 раза.

При этом следует особо подчеркнуть, что в этом году стачечное и вообще рабочее движение имело определенный и ярко выраженный политический характер и, по темпу своего наростания и всему своему содержанию, оно имело все признаки революционного кануна.

Почти $^2/_3$ стачек (1300 из 2032) с 855.000 участниками из общего числа в 1.062.720, даже

казенная статистика относит к разряду политических.

Среди последних следует особо отметить отклик рабочего класса на так называемые ленские события — на расстрел в далекой сибирской тайге рабочих ленских золотых приисков.

В далекой тайге Восточной Сибири, на золотых приисках, принадлежавших русским и иностранным капиталистам, пять тысяч рабочих забастовали, пред'явив ряд чисто экономических требований. 4-го [1]) апреля 1912 г. толпа бастующих явилась в контору, чтобы подать приехавшему товарищу прокурора заявление, но по приказанию жандармского ротмистра Трещенкова по толпе была открыта стрельба, которой было убито 270 и ранено 250 рабочих.

7-го апреля о Ленском расстреле стало известно в Ленинграде. Рабочая газета „Звезда" на следующий же день оповестила об этом всю пролетарскую Россию. Почти весь номер газеты был посвящен ленским событиям. Со следующего дня начались рабочие собрания и митинги.

В государственную думу социал-демократической фракцией был внесен запрос, на который царский министр Макаров ответил знаменитым: „Так было, так будет". Подлый ответ царского министра громким эхо отозвался в самых широких массах пролетариата, во всех углах необ'ятной России.

[1]) Даты здесь и дальше указаны по старому стилю.

По всей стране прокатилась дружная забастовка протеста против ленских палачей,—капитализма и царского самодержавия.

В истории рабочего движения России „Ленские дни“ сыграли не меньшую роль, чем 9 января 1905 г. Они обнаружили внутреннюю связь между буржуазией и самодержавием. Они дали рабочему классу наглядный урок классовой борьбы. И рабочий класс сделал из этого урока все необходимые выводы.

Сильный под'ем рабочего движения после „Ленских дней“, вовлечение в него широких рабочих масс провинции, встряхнули всю заплеснелую российскую „общественность“, пришибленную и придушенную царской реакцией.

„В душной атмосфере общественной пришибленности нудных годов послереволюционного периода,—писал тогда народнический журнал „Северные Записки“,—в атмосфере политической слякоти, третье-июньского представительства, торжествующего хамства и всеобщего, прямого, равного, кромешного и беспросветного прозябания, почувствовались возбуждающие, освежающие токи. Среди темной ночи переживаемой реакции, среди кровавых наветов и кошмарных легенд средневековья, среди стонов, доносившихся из Нарымов и Туруханских, из Зарентуев и Акатуев и множества других подобных мест „последнего успокоения“ российского гражданина, прозвучали вдруг подлинные, бодрящие голоса жизни“.

И, действительно, вслед за апрельскими забастовками по всей стране прокатилась волна первомайских забастовок, в которых участвовало около 300 тысяч рабочих.

Рабочее движение этого периода, однако, не исчерпывалось одними забастовками. Последние только свидетельствовали о темпе наростания у рабочих масс боевой революционной энергии, о готовности их к боевым схваткам со своими классовыми врагами, о способности их с боем отстаивать свои интересы и права.

Кроме стачек, расширялись и углублялись и другие формы и виды рабочего движения. Велась энергичная работа по восстановлению профессиональных организаций, разрушенных и разгромленных реакцией, широкие рабочие массы вовлекались в движение по проведению в жизнь куцых законов столыпинской думы о страховании. Значительное оживление внесла на несколько месяцев кампания по выборам в четвертую государственную думу, которые во всех крупных промышленных районах дали депутатов-большевиков и т. д.

На ряду с этим шла беспрестанная борьба рабочих за улучшение своего положения, за увеличение зарплаты, сокращение рабочего дня, улучшение условий труда, признание предпринимателями рабочих организаций и т. п.

Устойчивых и постоянно действующих рабочих организаций в этот период не было. Немно-

гие организации, которые рабочим с неимоверными усилиями и напряженной борьбой удавалось создать, обыкновенно были недолговечны... После первой же стачки или другого массового выступления, царское правительство их обыкновенно закрывало, арестовав предварительно или одновременно их работников и руководителей.

Кто же, спрашивается, направлял и руководил всем этим сложным и многообразным движением, которое тогда уже заставляло трепетать вооруженное до зубов царское правительство и капиталистическую буржуазию? Кто и что об'единяло и сплачивало в единую дисциплинированную армию распыленную миллионную пролетарскую массу? Кто одушевлял ее на борьбу, к чьим призывам она прислушивалась, и за кем она следовала?

Рабочим движением этого периода во всех его многообразных проявлениях руководило большевистское подполье, т.-е. нелегальные партийные организации, которые с 1911—12 гг. начали нарождаться и восстанавливаться во всех рабочих районах.

Эти организации, количественно немногочисленные, об'единяли наиболее активные элементы пролетарского авангарда, через них крепко связанные с широкими рабочими массами.

Они — эти подпольные организации — и воодушевляли рабочих на борьбу, давали ей лозунги, регулировали ее и руководили ею, придавая стихийным часто взрывам организованный и дисциплинированный характер.

Руководя движением и борьбой масс, подпольные организации сами росли и крепли. Ряды их постоянно пополнялись наиболее сознательными и активными слоями рабочего класса и полной революционного энтузиазма пролетарской молодежью. Вместе с этим, разумеется, ширилось и углублялось влияние партии и на широкие рабочие массы.

Одним из наиболее мощных орудий воздействия на массы, которое в эту эпоху сыграло исключительную роль, была пролетарская пресса—ежедневная рабочая газета „Правда“,—которая под различными названиями беспрерывно выходила с 22 апреля 1912 года до середины июля 1914 г.

„Правда“ этого периода вполне оправдала назначение, данное Ильичем за долго до того рабочей прессе. Она, действительно, была „коллективным агитатором, пропагандистом и организатором“.

„Правда“ раз'ясняла широким рабочим массам смысл и значение происходящей борьбы, популяризировала очередные задачи рабочего класса, звала массы к борьбе, об'единяла и сплачивала их, вовлекала в активное участие, во все проявления пролетарской общественности и т. п.

Не последнюю роль „Правда“ сыграла и в борьбе, которую большевики все это время вели с меньшевиками „ликвидаторами“, которые, всячески стараясь отвлечь рабочих от революционной борьбы, агитировали за фактическую ликвидацию подпольной партийной организации, довольствуясь

теми куцыми возможностями „легальной“ работы, которые царское правительство предоставляло рабочему классу.

Борьба с „ликвидаторами“, не взирая на их ничтожное влияние на рабочих, все же была нелегка. Они менее подвергались преследованиям, почти все время имели легальную прессу, которой они широко пользовались для своей демагогической агитации. Однако, победа всегда оставалась за большевиками. Широкие пролетарские массы, руководимые здоровым классовым инстинктом, всегда становились на сторону большевиков. Во всех принципиальных и практических спорах, которые тогда велись между боровшимися течениями — о страховой кампании, рабочей прессе, расколе с.-д. фракции и др. — рабочие массы через посредство „Правды“ и ликвидаторской прессы („Луч“, „Рабочая Газета“) принимали самое активное участие, при чем симпатии большинства неизменно были на стороне „Правды“.

Темп развития рабочего движения в 1912 г. был таков, что буржуазная печать начала серьезно опасаться, как бы следующий 1913 г. не явился повторением „ужасного“ 1905 г. И надо признать, что эти опасения буржуазии не были сильно преувеличены. Если в 1913 г. рабочее революционное движение и не достигло напряжения и под'ема 1905 года, то оно было весьма близко к нему.

В этом году кривая стачечного движения поднялась еще выше, к нему примкнули неко-

331
12-42

торые районы, которые до того отставали (Кавказ). Во многих случаях стачки сопровождались уличными демонстрациями, схватками с полицией и т. п.

О размере стачечного движения в 1913 г. можно судить по данным отчета общества фабрикантов и заводчиков. Согласно этим данным, в забастовках участвовало 1.184.985 рабочих, т.-е. на 115 тысяч больше, чем в 1912 году. При чем, как и в предыдущем году, подавляющее большинство забастовок приходится на долю политических и демонстративных, в которых участвовало 821.000 рабочих.

Более или менее правильно характеризует буржуазная печать того времени и настроение рабочих, и характер движения.

„Для рабочих России, — писал кадет Изгоев, — 1913 г. был годом исключительной важности, периодом сильного под'ема и обилием политических забастовок, увлекших десятки и сотни тысяч рабочих. Годовщина 9 января и ленской бойни 4 апреля были отмечены забастовками. 1 мая—забастовка привлекла в Ленинграде до 200 тысяч рабочих; день суда над 52 матросами Балтийского военного флота — забастовка; репрессии против рабочей печати вызвали забастовку; заступничество за арестованных в Москве трамвайных рабочих выразилось краткосрочной всеобщей забастовкой; суд над ленинградскими забастовщиками вызвал однодневную забастовку; административные

стеснения во время страховой кампании повели к политической забастовке и т. д., и т. д. Сильную политическую забастовочную волну сопровождала не менее сильная экономическая волна, об'ясняемая, главным образом, вздорожанием жизни и промышленным под'емом, повысившим доход предпринимателей."

В 1913 г. развернулось по-настоящему движение и московских рабочих. 18 сентября вспыхнула трамвайная забастовка, одновременно разрослась стачка булочников. Забастовка трамвайников явилась ответом на арест делегатов городских служащих и угрозы предать их суду. Эта стачка, в свою очередь, вызвала ряд забастовок сочувствия, и 23 сентября в Москве уже бастовало 55 тысяч рабочих, выступивших для протеста против преследований рабочей печати.

Эта московская забастовка, наиболее крупная в этот период, сопровождалась демонстративными шествиями, пением революционных песен и попытками остановить трамвайное движение, закончившееся столкновениями с полицией, которая обнаженными шашками разгоняла демонстрантов.

На Триумфальной площади демонстранты устроили летучий митинг, принявший резко революционную резолюцию против преследования рабочей печати, которая заканчивалась лозунгами „Долой царское правительство! Да здравствует социализм!"

Эта демонстрация и митинг стоили московским рабочим нескольких десятков наиболее активных

работников, которые в ту же ночь и в следующие дни были арестованы. Но на размах движения эти аресты нисколько, конечно, не отразились. На место арестованных массы выдвинули новых работников.

Преследование рабочих организаций со стороны царского правительства все время не прекращалось. Но со второй половины 1913 г. гонения на все проявления рабочей самодеятельности особенно усилились. Профессиональные и культурные рабочие организации закрывались пачками и без всякого к тому формального даже повода. Рабочие газеты закрывались, штрафовались и конфисковались чуть ли не через день. Так, за часть 1913 года было зарегистрировано 32 штрафа на 15.800 руб., 43 конфискации и т. д. Была закрыта, после ряда конфискаций, и московская рабочая газета „Наш путь".

На ряду с усилением полицейского нажима, усилилось наступление на рабочих и со стороны капиталистов. Капитал начал организовываться и совместными силами бороться с рабочим классом. Были введены знаменитые „черные списки", в которые включались все наиболее сознательные и активные рабочие, были пущены в ход локауты, была даже попытка, с целью разложить и дезорганизовать рабочее движение, возродить нечто вроде зубатовщины — союзы рабочих националистов, — которые отвлекали бы рабочих от революционного движения.

Но все усилия об'единившейся реакции и буржуазии не могли не только сокрушить, но и приостановить роста революционного движения, которое в следующем 1914 г., накануне империалистической войны, действительно достигло своего наивысшего под'ема и напряжения, приняв форму и характер подлинного революционного взрыва.

Движение 1914 г. началось с грандиозной забастовки в годовщину 9 января 1905 года. Забастовке предшествовали летучие митинги на всех фабриках и заводах. Забастовка в Ленинграде и некоторых других городах сопровождалась демонстрациями и уличными шествиями. Всего в этот день бастовало 250.000 рабочих.

Вслед за этой забастовкой в марте прокатилась новая волна политических стачек и демонстраций, вызванных закрытием профсоюза металлистов, обсуждением в государственной думе запроса о ленских событиях, массовым заболеванием работниц на некоторых ленинградских фабриках. В апреле 100.000 московских и ленинградских рабочих забастовали, в виде протеста против исключения из государственной думы на 15 заседаний всех левых депутатов. В день пролетарского праздника — 1 мая, в Ленинграде бастовали 215.000 рабочих, в Москве, по преуменьшенным сведениям о-ва фабрикантов и заводчиков, 22.053 рабочих и т. д. А всего за первые четыре месяца 1914 г. бастовало 447.000 рабочих, т.-е. в пять с лишком раз больше, чем в те же месяцы предыдущего года.

В последующие месяцы движение получило новый толчок событиями, разыгравшимися на дале их бакинских промыслах, и откликом, который-они нашли среди рабочих Путиловского завода.

В конце мая забастовали рабочие бакинских нефтяных промыслов, выставив ряд экономических требований. Наиболее активная часть авангарда российского пролетариата — ленинградские рабочие — все время с напряженным вниманием следили за ходом и развитием борьбы бакинских товарищей, поддерживая их морально и материально.

В первых числах июля на ряде ленинградских предприятий перед окончанием работы были устроены митинги, на которых выражалась солидарность бастующим бакинцам. 3 июля такой митинг состоялся и на Путиловском заводе. Внезапно, на двор, где происходил митинг, была введена полиция, которая без предупреждения начала расстреливать мирную толпу.

Весть о расстреле путиловцев быстро разнеслась по всем пролетарским кварталам Ленинграда, и уже на следующий день забастовало 240 фабрик и заводов с 89.744 рабочими. Вместе с забастовкой начались митинги и демонстрации, сопровождавшиеся кровавыми столкновениями с полицией.

Возбуждение рабочих было так велико, что во многих фабричных районах полиция была смята и вынуждена была отступить. В этих районах

происходили беспрерывные митинги, гремели революционные песни, приостанавливалось движение трамвая. В помощь полиции в рабочие кварталы были командированы солидные отряды казаков.

Забастовка, между тем, разросталась, и к концу движения число бастовавших достигало 300.000.

Но движение росло не только вширь, — с 6—7 июля к забастовке и демонстрациям присоединились рабочие Москвы, Харькова, Твери, Варшавы Белостока, Риги, Николаева и многих других городов,—но и в глубину, обостряясь с каждым днем. На улицах Ленинграда не прекращались рабочие демонстрации с красными флагами и пением революционных песен. Полиция, в виду приезда в царскую столицу „высоких" французских гостей во главе с Пуанкаре, особенно „старалась" водворить порядок, и столкновения не прекращались. В рабочих районах строились баррикады, откуда толпа осыпала полицию и казацкие патрули градом камней. Была даже попытка приостановить железнодорожное движение, при чем пассажирский поезд, направлявшийся из Ленинграда в Финляндию, а также Лахтинский поезд, рабочие заставили вернуться обратно.

Казаки и полиция на „бесчинства" рабочих отвечали расстрелами. Почти каждая баррикада — а их было много в эти дни в рабочих районах Ленинграда — стоила рабочим нескольких убитых и раненых товарищей.

10 июля царской охранке удалось арестовать в помещении редакции „Правды“ 30 человек руководителей движения, после чего по найденным у арестованных адресам начались массовые обыски и аресты.

Однако, движение не прекратилось. Уличные выступления бастующх продолжались еще 11, а отчасти даже и 12 июля, когда решено было прекратить забастовку.

Так, беспрерывно и неуклонно развивалось и нарастало революционное движение в России вплоть до самого начала мировой бойни, которая, конечно на первых порах, по крайней мере, резко изменила ход событий.

ГЛАВА II.

В начале войны.

Можно ли было предвидеть войну? — Демонстрации Ленинградских рабочих против войны. — Настроение московских рабочих. — Позиция партийных организаций. — Декларация Соц.-Дем. Фракции Государственной Думы. — Экономический кризис. — Сжатие промышленности. — Острая безработица в прифронтовых районах. — Борьба с „военной“ безработицей в Западном крае. — Попытки организации рабочей самопомощи жертвам войны.

Едва рабочие после двухнедельного перерыва успели занять свои места у станков, как была об'явлена всеобщая мобилизация, а вслед за тем — и война.

Для близко наблюдавших ход и развитие „европейского кризиса“ об'явление войны не явилось полной неожиданностью. Империалистические аппетиты европейской капиталистической буржуазии довольно отчетливо обнаруживались еще задолго до войны.

Кровавая бойня лихорадочно подготовлялась в тайниках генеральных штабов и дипломатических кабинетов. Ее приближение не трудно было предвидеть.

Еще весной 1914 года состоялось совещание представителей военного министерства с некото-

рыми лидерами либерально-буржуазной оппозиции государственной думы, специально посвященное вопросу о военных кредитах, при чем либералы не только не высказались за сокращение этих кредитов, как они до того угрожали правительству с думской трибуны, а по своей инициативе увеличили их.

Когда же началась заранее инсценированная комедия с австро-сербским ультиматумом, стало совершенно очевидно, что надвигается война.

„Рабочие! Если вы не трусы, — писал в эти дни центральный орган французских синдикалистов, — если вы не хотите, чтобы через несколько часов вашу страну бросили в злейшую авантюру, какую только можно себе представить, протестуйте...“

Что народам Европы грозит опасность кровавой бойни, хорошо понимал и погибший вскоре вождь французских социалистов Жан Жорес, который в одной из своих речей ярко вскрыл всю кровавую политику европейских хищников. Поняли это и некоторые члены социал-демократической фракции 4-й государственной думы, которые по этому поводу обратились со специальным письмом к австрийской и венгерской социал-демократическим партиям.

Но для широких масс трудящихся об'явленные мобилизация и война явились полной неожиданностью и поразили их, как гром в ясную погоду.

Удивляться этому, конечно, не приходится. Предшествовавшая об'явлению войны революцион-

ная борьба рабочих, во время которой была разгромлена рабочая печать и разрушены почти все оставшиеся рабочие организации, сильно расстроила пролетарские ряды. В первый момент масса поэтому заметно растерялась, хотя — и это надо подчеркнуть — в своем большинстве она и в первые дни не поддалась „патриотическому" угару, охватившему мещанские и обывательские слои населения.

Больше того, как свидетельствуют некоторые документы и воспоминания товарищей, переживавших эти дни в самой гуще пролетарских масс, не только наиболее сознательные рабочие, — не говоря уже о подпольных организациях, — но и довольно широкие круги их с самого начала относились враждебно к империалистической авантюре и, поскольку это позволяли условия военного положения, довольно охотно откликались на призывы партийных организаций протестовать против войны.

Настроение ленинградских рабочих в первые дни мобилизации передает в своих воспоминаниях тов. Шляпников:

„Когда рабочие пришли на работу утром в день мобилизации, о работе никто и не думал. Не раздеваясь, сходились по мастерским, сговаривались и выходили на улицу под звуки революционных песен. На некоторых заводах были общие собрания с присутствием мобилизуемых, с которых рабочие брали клятвы не забывать борьбу и, при

первой же возможности, с оружием в руках, добиваться „освобождения славян в самой России“...

„...Улицы пригородов наполнялись людьми, и тысячные толпы демонстрировали по улицам с пением революционных песен и криками „долой войну“.

„Полиция пыталась, как и в июльские дни протеста, разгонять демонстрантов но, встретив энергичный протест запасных, считала за лучшее исчезать.

„Около полудня потянулись к центральным городским сборным пунктам первые партии мобилизованных, окруженные слабым конвоем городовых. К ним быстро примкнула толпа. Демонстранты привязывали к тросточкам красные ленты и плакаты.

„...Из пригородов особенно грандиозный характер демонстрации имели за Невской заставой и на Выборгской стороне. В первом случае толпа в несколько десятков тысяч провожала запасных с пением революционных песен и красным знаменем вплоть до Знаменской площади, где имела столкновение с патриотами и была рассеяна полицией. На Выборгской стороне в различных частях демонстрации продолжались почти весь день.“

Тов. Кондратьев в своих воспоминаниях, помещенных в № 5 „Красной Летописи“, также рассказывает о факте устройства ленинградскими рабочими демонстраций в первые дни мобилизации.

„Были и отдельные попытки, — вспоминает

т. Кондратьев, — к устройству демонстраций против войны. Одна из таких демонстраций, наиболее внушительная, имела место, кажется, 18—19 июля. Часть рабочих из-за Невской заставы, часть из других районов, во главе с нашими товарищами, вышли с красными флагами протеста против войны. У Николаевского вокзала они столкнулись с группой патриотической манифестации, попали как раз в середину. Получилась причудливая картина: в одном конце поют „Боже царя...“, а в другом „Марсельезу“. В таком состоянии прошли часть Невского. Налетевшими казаками демонстранты были разогнаны.“

Несколько более сложными представляются настроения московского пролетариата в первые дни войны. Здесь растерянность, очевидно, была сильнее, она шире захватила массы.

„Шовинизм вызвал известную растерянность и неразбериху даже среди многих активных товарищей“ — рассказывает т. Игнатович в сборнике „Накануне революции“.

Подтверждает это и т. Сапронов в своих „Записках маляра“.

„...Встал вопрос, что делать, чтобы помешать этой проклятой войне. Интеллигенты растерялись, и очень немногие из них решили определенно этот вопрос. Больше отделывались молчанием.

„...В атмосфере предательства и измены, без печати, без живого слова, без связей и собраний,

рабочим Москвы пришлось определять свое отношение к войне.“

Но и среди московских рабочих не все впали в уныние. И в Москве были случаи устройства рабочими, правда, небольших, антивоенных демонстраций, что подтверждает в своей докладной записке агент охранного отделения „Зоя“, который пишет:

„Вчера в громадной толпе, идущей от памятника Скобелева к Страстной площади, небольшая группа рабочих запела известную революционную песню: „Дружно, товарищи, в ногу“.

Что же касается отношения сохранившихся после июльского разгрома партийных кружков к войне, то, не взирая на полную оторванность их друг от друга и заграничного центра и растерянность отдельных товарищей, не исключая иногда и самых активных, — то в общем и целом они правильно и вполне по-марксистски подошли к оценке войны.

Уже в первые дни мобилизации и войны партийные организации, где к этому была малейшая возможность, выпустили листки к рабочим, запасным, солдатам и всему трудовому населению, в которых раз'яснялся истинный смысл затеянной империалистами кровавой бойни, рисовались все кошмарные ужасы, которые она несет трудящимся, рассеивался шовинистический угар, который буржуазная печать старалась навеять на массы, при чем последние призывались об'явить „войну

войне", превратить империалистическую войну в гражданскую, обратить оружие против насильников внутри страны и т. д.

Такие листки в первые же дни войны были выпущены большевистскими организациями Ленинграда, Москвы, Харькова, Киева, Ростова на Дону, Баку, областным комитетом кавказских организаций, уральской группой соц.-дем. и др.

Большевистское партийное подполье, как оно ни было ослаблено и изолировано от своих центров, все же оказалось в критический момент на посту и с первых же дней войны начало серьезно тревожить царскую охранку.

Еще большую ясность в позицию большевиков по отношению к войне внесли исторические тезисы Ленина, манифест ЦК партии и другие материалы, которые вскоре были получены из заграницы.

Русская социал-демократия, в лице своей фракции в государственной думе, также заявила во всеуслышание с думской трибуны, что русские рабочие не приемлют войны, что им чужд „фальшивый патриот, под прикрытием которого господствующие классы ведут свою хищническую политику, что не может быть единения с властью, когда рабочие организации разгромлены, когда тюрьмы переполнены борцами за свободу... и что в международной солидарности пролетариата всего мира человечество найдет средство к скорейшему прекращению этой войны".

Эта декларация была оглашена 26 июля на

торжественном заседании государственной думы, когда все другие фракции и группы одна за другой спешили выразить свои верноподданические чувства, обещая „все принести на алтарь горячо любимого отечества“. Легко себе представить, каким „благородным“ негодованием должны были воспылать все эти патриоты против „изменников и немецких шпионов“ социал-демократов, осмелившихся остаться верными своим идеалам революционного интернационализма!

Между тем, вести, которые приходили из заграницы, крайне смущали и часто повергали в глубокое уныние передовых рабочих и партийных работников.

Одно за другим стало известно, что европейские социалисты — французские, бельгийские, германские — прекратили борьбу со своим правительством, об'явив „гражданский мир“ на все время войны, голосовали за военные кредиты, входили в буржуазные и реакционные правительства с целью усиления их авторитета в глазах трудящихся и т. п.

Крайне удручающее впечатление произвело в революционных кругах выступление ветерана российской социал-демократии Г. В. Плеханова с призывом „защищать отечество от прусского милитаризма“.

Вначале всем этим известиям, доходившим в Россию обыкновенно через буржуазную печать, не хотелось верить. Столь невероятным и чудо-

вищным казалась измена старых и заслуженных вождей рабочего класса.

Но мало по-малу пришлось поверить, так как это подтверждалось и из других источников.

Пробовал один из этих вождей, бывший председатель Международного Социалистического Бюро (Исполкома II Интернационала) Э. Вандервельде, вступивший сейчас же после об'явления войны в клерикальное бельгийское правительство, увлечь на путь „патриотизма“ и русских рабочих. Но неудачно. Последние через большевистских депутатов государственной думы в ответ на его послание весьма решительно и категорически заявили, что „русский пролетариат не может ни при каких условиях итти рука об руку с правительством“ и считают „своей неотложной задачей вести с ним самую непримиримую борьбу“.

Меньшевики же и ликвидаторы с самого почти начала заняли совершенно другую позицию по отношению к войне. В первый момент они просто растерялись. Затем они поддались общей патриотической свистопляске. После же, когда стало известно предательство европейских вождей, и до России дошли призывы и раз'яснения Плеханова, Алексинского и др. видных меньшевиков, ликвидаторы обрели, что называется, почву под ногами, подвели „марксистский“ фундамент под свои оборонческие влечения. На упомянутое обращение Вандервельде ликвидаторы ответили согласием прекратить на время войны борьбу с самодержа-

вием и всячески содействовать победе „демократии над прусским юнкерством и милитаризмом".

Война с самого своего возникновения, конечно, глубоко отразилась на экономическом положении рабочих масс.

Уже в дни первой мобилизации начало остро ощущаться наступление глубокого экономического кризиса. Связи с внешними рынками были внезапно прерваны. Экспорт и импорт, в том числе и сырья, необходимого для многих отраслей нашей промышленности, совершенно прекратились. Сильно сократились и внутренние рынки сбыта. Транспорт чуть ли не весь был мобилизован для нужд войны — переброски к границам войск и военного снаряжения. Банки прекратили кредитные операции.

Все эти причины и ряд других вызвали сильный застой в торгово-промышленной жизни. Целый ряд предприятий начал сокращать производство. Многие из них совершенно закрылись. На многих предприятиях число рабочих дней было сокращено до трех в неделю, а на некоторых сокращалось число рабочих часов в день.

Много десятков тысяч рабочих остались без работы и со своими семьями были обречены на голод и все ужасы безработицы.

Точных цифр о размере безработицы и количестве безработных в первые месяцы войны нет, но некоторое представление об этом дают данные о влиянии военных событий на промышленную

жизнь, собранные осенью 1914 года „Обществом фабрикантов и заводчиков".

Согласно этим данным, относящимся к 1 сентября 1914 года, сжатие отдельных отраслей промышленности в первый период войны представляется в следующем виде.

Из 532 предприятий с 487 тыс. рабочими по обработке хлопка сократили число рабочих, рабочих дней и часов 152 предприятия с 240.293 рабочими; совершенно прекратили производство 9 предприятий с 4.057 рабочими; увеличили производство 12 предприятий с 7.462 рабочими. Из-за недостатка материалов и отсутствия сбыта 61 предприятие (из 170) по обработке шерсти сократило производство. Из 112 предприятий с 29.756 рабочими по обработке шелка сократили производство 35 наиболее крупных, занимавших 21.515 рабочих. На 20 из них было сокращено число рабочих, на остальных — число рабочих дней и часов. За недостатком материалов и топлива, отсутствием спроса и затруднительности сбыта сократили свое производство 17 предприятий с 9.770 рабочими по обработке льна, пеньки и джута, 49—с 11.922 рабочими по обработке волокнистых веществ, 143 с 17.929 рабочими бумажного и полиграфического производств, 110 с 20.070 рабочими по механической обработке минеральных веществ, 38 с 4.341 рабочими по обработке животных продуктов, 30 с 5.009 рабочими винокуренного и пивоваренного производств, 75 с 15.446 рабочими по обработке

пищевых и вкусовых продуктов и 58 с 42.741 рабочими химической промышленности.

Таким образом, даже по этим далеко неполным данным, число рабочих, полностью или частично лишившихся работы в первые месяцы войны, превышало полмиллиона.

Особенно острый характер военная „безработица“, как ее тогда именовала буржуазная печать, приняла в районах, близко прилегавших к фронтам — Польше, Литве, Белоруссии, а отчасти и Украине.

Там экономическая жизнь в первые месяцы войны была совершенно парализована. Помимо общих причин, здесь давала себя весьма остро чувствовать непосредственная опасность военных нашествий, оккупации, приготовления к эвакуации, беженство, заполнение городов и промышленных районов войсковыми частями, лазаретами и различными тыловыми учреждениями.

Нужда среди трудящихся усиливалась и обострялась мобилизациями, после которых оставались фактически без всяких средств к существованию сотни тысяч жен и детей запасных и ополченцев.

Повести широкую и планомерную борьбу с безработицей в условиях войны, да еще в прифронтовой полосе, было чрезвычайно трудно. Но кое-какие попытки в этой области все же были сделаны.

Во всех более крупных пунктах Западного края — в Варшаве, Лодзи, Вильне, Минске, Ви-

тебске, Бобруйске и других — образовались рабочие комиссии по борьбе с безработицей и ее последствиями. В большинстве случаев комиссии эти были нелегальные и всю свою работу вели в тесном контакте и под руководством действовавших там подпольных организаций польских и еврейских рабочих партий.

В первую очередь комиссии эти старались выяснить размер и характер безработицы, для чего почти всюду были проведены соответствующие анкеты, созывались собрания безработных и т. п.

Затем комиссии эти через профсоюзы, где они имелись, больничные кассы и другие рабочие организации старались поднимать широкую кампанию помощи безработным, вовлекая в эту работу местные городские управления и различные другие общественные организации.

Широко и с известным политическим под'емом кампания по борьбе с безработицей была проведена в Вильне.

Сохранившиеся там с довоенного времени четыре профсоюза (печатников, служащих, портных и металлистов) при неофициальной поддержке рабочих других профессий, не имевших легальных профсоюзов, обратились с докладной запиской в городскую думу, в которой они требовали, чтобы последняя срочно приняла меры борьбы с все растущей и обостряющейся безработицей. Наиболее рациональными мерами борьбы с безработицей и облегчения положения безработных докладная

записка, при данных условиях, признавала: организацию на широких началах трудовой помощи, регулирование спроса и предложения труда, путем открытия бюро и биржи труда, отмену существующих ограничений в праве передвижения евреев, дабы еврейские рабочие могли переселиться в центральные губернии России, где в некоторых отраслях промышленности ощущался недостаток рабочих рук, организацию дешевых столовых и чайных, продовольственных лавок и т. п. Всей этой работой должна руководить особая комиссия из представителей городской думы, профсоюзов, больничных касс и других рабочих организаций.

Реакционная виленская дума, состоявшая из домовладельцев и предпринимателей, вначале и слышать не хотела о предложениях рабочих. Но впоследствии, после того, как рабочим организациям удалось поднять широкую кампанию вокруг этого вопроса, и ряд рабочих собраний, на которых присутствовало по 1000 и больше человек, единодушно поддержал требования профсоюзов и резко осудил поведение цензовой думы, последняя с скрежетом зубовным должна была сдаться.

Была организована комиссия по борьбе с безработицей, а при ней ряд секций для разработки, осуществления и руководства отдельными мероприятиями из намеченного плана.

Работа комиссии и секций сильно тормозилась думой, которая всячески старалась урезать и со-

кратить их планы и проекты. Все же в конце-концов удалось открыть столовую, которая обслуживала свыше 500 человек, биржу труда и несколько мастерских.

Кое-каких практических результатов рабочие добились и в некоторых других городах. Например, в Варшаве было открыто несколько рабочих столовых на 2.000 человек, продовольственных лавок, где продукты отпускались безработным по удешевленным ценам и т. п. После больших мытарств рабочим удалось открыть кооперативную столовую и в Минске, которая существовала вплоть до Февральской революции. Эта столовая во весь период войны служила центром для всей местной пролетарской общественности, в том числе и подпольной партийной работы.

Как видим, особенно значительных практических результатов кампания по борьбе с т. н. „военной“ безработицей не дала, но тем не менее в свое время она, несомненно, сыграла известную положительную роль. В эту кампанию были вовлечены довольно широкие рабочие массы. Эта кампания, в которой участвовали рабочие различных национальностей, была лучшим и наиболее действенным средством для борьбы с националистической агитацией, которая тогда велась в широких размерах. Дружное и солидарное выступление всей пролетарской массы без различия национальности было лучшим ответом рабочего класса на гнусные попытки царских опричников расстроить

пролетарские ряды внесением в них яда шовинизма и звериного национализма.

Отдельные попытки организовать помощь безработным и женам рабочих, отправленных на фронт, были сделаны и в Ленинграде, Прибалтийском крае, Поволжьи и некоторых других местах.

В Ленинграде на некоторых заводах (Невский механический, Обуховский, Семенова, Невский стеариновый) фабричная администрация делала отчисления с заработка рабочих в пользу жертв войны. Благодаря агитации наиболее сознательных рабочих, резонно указывавших массе, что жертв войны должно содержать правительство, затеявшее эту войну, последняя начала все громче и громче роптать против передачи этих отчислений в попечительства и царский Красный Крест, требуя их направления в помощь безработным, арестованным и сосланным товарищам.

В Москве среди торговых служащих был также поднят вопрос об организации помощи товарищам, пострадавшим во время войны.

В Риге состоялось несколько собраний делегатов всех местных рабочих организаций — профессиональных, кооперативных, больничных касс и культурно-просветительных, — на которых было решено учредить рабочий комитет помощи рабочим, пострадавшим от войны. Местные больничные кассы выразили желание делать особые отчисления в пользу семейств рабочих, призванных на войну.

В Ростове на Дону 6 сентября 1914 года, на собрании представителей профсоюзов и больничных касс, было решено учредить рабочий комитет помощи жертвам войны и безработным. Но градоначальником устав комитета не был утвержден, и комитет пришлось ликвидировать.

19 сентября 1914 года в Самаре было организовано рабочее общество „Солидарность", имевшее целью „препятствовать тягостным последствиям войны для лиц, живущих наемным трудом".

Насколько известно, почти все эти организации сколько-нибудь заметной деятельности не проявляли и вскоре ликвидировались, где царской администрацией, а где и без вмешательства последней. Но в первые месяцы войны, когда почти все другие легальные рабочие организации были разгромлены, эти комитеты в некоторых местах являлись легальными центрами пролетарской общественности, где встречались представители различных групп и течений, где происходили дискуссии по различным вопросам момента и т. д. В этом отношении за комитетами следует признать некоторую положительную роль.

ГЛАВА III.

Расправа с рабочими депутатами государственной думы.

Арест пяти депутатов-большевиков. — Призывы партийных организаций к протесту. — В чем обвинялись арестованные? — Забастовки-протесты перед судом. — Осуждение и ссылка в Сибирь депутатов.

Заметную роль в пробуждении и усилении революционных настроений среди рабочих в первый период войны сыграли арест, а затем и суд над членами государственной думы — большевиками.

5 депутатов-большевиков — Петровский, Бадаев, Муранов, Самойлов и Шагов — были 4 ноября 1914 года задержаны вместе с еще 6 партийными работниками, среди которых был и тов. Каменев — на нелегальной конференции, состоявшейся в Озерках (недалеко от Ленинграда). Депутаты, пользовавшиеся по закону неприкосновенностью личности, вначале были освобождены из-под ареста, но через день, в ночь на 6 ноября, они снова были арестованы и преданы суду по знаменитой в царское время 102-й статье уголовного уложения.

Царское правительство вообще мало церемонилось с законами, однако, арест членов государственной думы был вопиющим и исключительным произволом, и его надо было об'яснить какими-

нибудь чрезвычайными, из ряду вон выходящими обстоятельствами.

За „об'яснениями" дело, конечно, не стало. Уже через день или два после ареста во всей буржуазной и черносотенной печати появилось официальное правительственное сообщение, в котором указывалось, что „некоторые члены социал-демократических обществ поставили целью своей деятельности поколебать военную мощь России путем агитации против войны посредством подпольных воззваний и устной пропаганды. В октябре правительство получило сведения о предполагаемом созыве тайной конференции представителей соц.-демократич. организаций для обсуждения мероприятий, направленных к разрушению русской государственности и к скорейшему осуществлению мятежных социалистических задач".

На арест депутатов и полное гнусного лицемерия правительственное сообщение ленинградские подпольные организации ответили широкой агитацией и призывом к протесту.

Ленинградский комитет выпустил по этому поводу листок, в котором призывал рабочих к протесту. К этому призыву присоединились об'единенный комитет Росс. соц.-демокр. фракции высших учебных заведений, а также и Васильеостровский районный комитет и междурайонная комиссия.

Реагировали на арест депутатов и некоторые провинциальные партийные организации.

Так, например, харьковская организация выпустила по этому поводу особое воззвание, в котором она призывала „единодушной забастовкой протеста 11 ноября дать отпор зарвавшемуся дерзкому врагу. Да будет этот протест сигналом наступления близких дней второй русской революции?“.

Киевская организация в своем воззвании, сообщая об аресте депутатов, за то, что „они до конца свято и честно исполняли волю пославших их рабочих масс“, обращается к рабочим: „Неужели мы не откликнемся на арест наших депутатов и не заявим громко наш протест против бесшабашного хозяйничания бюрократии“.

По признанию московской охранки, арест депутатов вызвал некоторое возбуждение и среди московских рабочих.

Однако, вследствие неналаженности связи с широкими рабочими массами в этот период,— сколько-нибудь заметных демонстративных выступлений рабочих, в связи с арестом депутатов, не было.

Сильнее рабочие реагировали на суд и обвинительный приговор, вынесенный депутатам.

Благодаря обвинительному акту, более широким рабочим массам стала известна революционная работа партии и депутатов. Обвинительный акт гласил, что „преданные суду партийные работники и депутаты: 1) участвовали в преступном сообществе, которое подчинялось контролю центрального комитета Росс. соц.-дем. рабочей партии и ставило себе целью ниспровержение путем народ-

ного восстания существующего строя и замену его демократической республикой, при чем входили в сношения с различными организациями, содействовали росту последних и служили связывающим звеном между ними и центральным комитетом.

2) Руководили собраниями и участвовали в распространении прокламаций с призывом прекращения войны.

3) Составили прокламацию к студенчеству, где имеется призыв организоваться, организовать массы и подготовлять их к революции; участвовали в конференции Российской соц.-дем. рабочей партии, где обсуждались: а) резолюции о деятельности во время войны. В этой резолюции утверждается, что лозунгами социал-демократов должна быть всесторонняя, распространяющаяся на войска и на театр военных действий пропаганда социалистической революции, необходимость направить оружие не против своих братьев, наемных рабов других стран, а против реакционных буржуазных правительств и партий всех стран, для какой пропаганды должно организовать нелегальные ячейки и группы в войсках и т. д.; б) на том же с'езде (конференции) обсуждались—доклад члена государственной думы Муранова об об'езде им существующих тайных организаций, открытии новых в Уральском крае и в Поволжьи, а также о распространении прокламаций среди призывных и т. д.".

Суд над депутатами был назначен на 10 февраля 1915 года, и перед процессом Ленинградский

комитет партии выпустил два листка, в которых рабочие призывались бастовать 10 февраля, устраивать в этот день митинги и демонстрации.

„В особенности — заканчивается один из этих листков — рабочим Ленинграда нельзя молчать, нельзя откладывать свое выступление до лучшего будущего. Перед судом и в день суда они должны выступить, чтобы повлиять на судей и на правительство".

В Ленинграде, по официальным данным охранного отделения, в день суда над депутатами, бастовали рабочие четырех предприятий.

В Москве, по словам т. Меницкого, рабочие „все время с большим вниманием следили за ходом процесса, и когда последовал призыв к забастовке протеста, в день суда (10 февраля) над рабочими депутатами, то ряд предприятий забастовал. (На одном заводе „Динамо" в этот день бастовало 1285 рабочих).

Живо откликнулись на призыв партийных организаций и московские профсоюзы. Правление профсоюза рабочих хлебопекарного производства постановило в знак протеста об'явить однодневную забастовку и устроить уличные демонстрации, а для того, чтобы последние имели более внушительный характер, вопрос этот был перенесен на экстренное заседание центрального бюро профсоюзов, где он и был рассмотрен 8 февраля. По докладу представителя профсоюза рабочих хлебопекарного производства, центральное бюро вынесло

резолюцию протеста против суда над рабочими депутатами. Но накануне суда, в ночь с 9 на 10 февраля, охранным отделением были произведены массовые обыски и аресты среди наиболее активных работников и инициаторов забастовки-протеста.

Суд над рабочими депутатами, как известно, закончился приговором их всех к лишению прав и ссылке на поселение в Сибирь, куда их вскоре, закованных в кандалы, и отправили.

Но этот суд и приговор весьма дорого обошлись царскому правительству.

— Да, я ездил по России и организовывал рабочих, чтобы об'явить войну,— гордо заявил на суде один из депутатов, тов. Муранов, — но не иностранным рабочим, а вам, буржуазии и самодержавию.

И эта война вскоре, действительно, была об'явлена, и она смела с лица земли и самодержавие, и буржуазию.

ГЛАВА IV.

Под гнетом военного пресса.

Усиление эксплоатации рабочих. — Голод и нищета в рабочих кварталах. — Миллионные барыши капиталистов. — Казарменный режим на фабриках и заводах. — Военнообязанные — рабы капиталистов. — Бессрочная каторга за забастовку. — Упадок настроения среди широких масс. — Бессилие профсоюзов бороться с ухудшением условий труда. — Деморализация некоторых групп рабочих. — Первые стачки и репрессии. — Рост стачечной волны. — Экономические и политические забастовки в 1915 году. — Перелом в настроении рабочих масс.

Уже с первых месяцев войны экономическое положение рабочих начало все более и более ухудшаться. Сокращалось производство. Многие предприятия сокращали число рабочих, рабочих дней в неделю и рабочих часов. Соответственно сокращался и заработок рабочих. А цены на продукты питания в то же время росли с неимоверной быстротой. Голод и нужда прочно воцарялись в рабочих кварталах.

С начала 1915 года положение трудящихся стало еще более ухудшаться.

Промышленность начала лихорадочно приспосабливаться к потребностям военного времени, т.-е. к производству оружия, снарядов и предметов военного снаряжения. Почти все предприятия этого

рода были об'явлены „мобилизованными“ и на них начали устанавливаться военные порядки — весь внутренний строй их жизни был милитаризован.

Эксплоатация рабочих в этот период достигла небывалых размеров. Зарплата по своей реальной покупательной способности все более и более падала, рабочий день удлинялся, грубо игнорировались даже жалкие царские законы об охране труда.

Капиталисты, все время распинавшиеся за „родину“ и организовавшие для ее „защиты“ военнопромышленные комитеты, в действительности, конечно, распинались только за свой карман, понимая, что в мутной воде войны и общей разрухи можно легко нажиться.

И беспристрастные цифры показывают, что этот расчет промышленной буржуазии был совершенно правильный. Усилив эксплоатацию рабочих, заставив их надрываться над работой и жить впроголодь, капиталисты удваивали и утраивали свои миллионные барыши. Так, например, акционерное общество Тульских заводов в 1913—14 г.г. получило 8,39 милл. руб. прибыли, вместо прежних 1,86 милл. руб., Кольчугинский завод — 4,72 милл. руб., вместо 2,17 милл. руб. в предыдущем году, Сормовский завод почти удвоил свою прибыль, а кабельный без малого утроил ее.

Даже царская охранка вынуждена была в своих секретных донесениях признать алчные поползновения буржуазии использовать тягостные для

рабочих условия военного времени в целях повышения своих барышей.

„Со времени введения военного положения, — говорится в одном из таких донесений, — среди заводчиков и фабрикантов наблюдается тенденция к уменьшению заработной платы. Директор завода (Новый Айваз) однажды высказался: „Теперь военное положение, могу согнуть в бараний рог".

В данный момент правительству политически было невыгодно возбуждение недовольства среди рабочих, и охранка поэтому осмеливается предложить, чтобы „на основании военного положения фабрикантам и заводчикам было воспрещено уменьшать расценку". Свое предложение охранка мотивирует уже имевшими место фактами недовольства рабочих. „Уменьшение жалования вызвало сильное брожение на Путиловском заводе, „Новый Айваз" и др. заводах; большинство рабочих проявило склонность к забастовкам".

Этот аргумент, повидимому, подействовал. С предпринимателей через полицию была отобрана подписка о непонижении расценок. Но и после этого предприниматели продолжали всячески ухудшать положение рабочих, в том числе и понижать зарплату.

Впрочем, справедливость требует отметить, что указанное „разногласие" между самодержавием и капиталистами в рабочем вопросе продолжалось весьма не долго. Вскоре правительство „раскаялось" и выпрямило свою линию, часто даже забегая

вперед хищническим вожделениям разжиревшей во время войны буржуазии.

Положение рабочих вследствие этого, конечно, все более и более ухудшалось. Вот как его изображает резолюция совещания „рабочих“ групп военно-промышленных комитетов:

„В целях предоставления предпринимателям дешевого и покорного труда, правительство отменило закон охраны женского и детского труда; не ограничены сверхурочные работы и рабочий день, брошены на произвол предпринимателей сотни тысяч лишенных всякой защиты военнопленных, наконец, вывезены сотни тысяч инородцев и китайских рабов при наличии безработных в стране.

„К этому надо прибавить полное закрепощение военно-обязанных рабочих, которые фактически были лишены права перехода с одного предприятия на другое и, таким образом, вынуждены были мириться с любыми условиями труда.“

„Правительство, — говорится об этом в одном из листков партийной организации, — превратило в казармы целый ряд заводов и фабрик, оставив там тысячи запасных и ратников... Вводится крепостной режим. Рабочий запасный или ратник обращается в раба, который лишен возможности возмущаться против самых возмутительных издевательств над ним.“

И в завершение всего царским правительством в 1915 году было об'явлено о предания военно-

полевому суду за забастовки на предприятиях, работающих на оборону, с наказанием до бессрочной каторги включительно!

Таким образом, рабочие во время империалистической войны были фактически отданы в полное рабство алчному капиталу, который всемерно старался как можно больше и лучше использовать свое исключительно выгодное положение.

В первое время рабочие были так придушены казарменным режимом и всем вообще военно-полицейским прессом, обрушившимся на них всей своей тяжестью, что бороться организованным путем у них не было сил.

Профессиональные союзы и другие рабочие организации, за редким исключением, были разгромлены. Да и те из них, которые существовали, не были в состоянии оказывать массе реальную помощь. Число членов, которых они об'единяли, по сравнению с общим количеством рабочих данной профессии, было ничтожно. Предприниматели, имея за спиной полицию и штыки, с союзами совершенно не считались и не признавали их. Вся работа союзов, каждый их шаг находились под бдительным надзором царской охранки, имевшей в союзах своих агентов-провокаторов, которые информировали жандармерию о всех их решениях и мероприятиях. Малейшая попытка со стороны союза выступить в защиту своих членов влекла за собой немедленное закрытие союза, арест и высылку его работников.

При таких условиях неудивительно, что часть рабочих впала в глубокое отчаяние и уныние начала терять свое классовое достоинство и, вместо борьбы с эксплоататорами, они к ним обращались с просьбами и петициями, апеллируя к их „добросердечию“ и „совести“.

„Рабочие, — пишет орган печатников „Наше печатное дело“, — доведенные из-за отсутствия рабочих организаций до полной разрозненности, а из-за дороговизны и нужды — до полного отчаяния, теряют чувства человеческого и классового достоинства. Они уже не дерзают бороться с предпринимателями. Они обращаются к ним с своеобразными петициями и пытаются „уговорить“ хозяев на повышение им заработной платы.

„...В типографии Яковлева первыми обратились с петицией, а потом и с личной просьбой, переплетчики, прося прибавить, сколько можно. За ними потянулись наборщики... То же было и в сенатской типографии, где рабочим было выдано пособие: тому, кто проработал меньше года, 3 рубля, а кто больше года — 5 рублей.“

Не особенно далеко от ленинградских печатников тогда ушли и московские трамвайщики. Среди них тогда получил довольно широкое распространение листок, в котором, на ряду с призывом к единению и активной самодеятельности, весьма решительно рекомендуются петиции и просьбы, как метод для улучшения своего положения.

„Товарищи! Пора подумать о той нужде, о той дороговизне, которая надвигается на нас. То, что мы получаем, не хватает нам на жизнь, которая с каждым днем дорожает. Мы не должны дожидаться, пока мы и наши семьи будут голодать и просить хлеба, не должны беспомощно разводить руками.

„...Мы должны соединиться вместе и просить увеличить наше жалование. Если мы будем действовать по одиночке, то ничего не добьемся, как это показал случай в Уваровском парке... Мы должны выбрать делегатов от каждого парка; они же, собравшись вместе, выяснят степень нашей нужды, напишут петицию и подадут управляющему. Выбирайте из кондукторов и вожатых уполномоченных, и за дело. Помните, что в единении — сила."

Однако, не взирая на невероятно тяжелые условия военно-казарменного режима и распыленность рабочих масс, совершенно оседлать их, заставить безропотно сносить всю тяжесть обрушившегося на них экономического и политического бремени не удалось.

Недовольство и брожение, под влиянием всех указанных условий, все более и более углублялись, и в конце-концов они начали выливаться в стачки и другие стихийные массовые выступления.

Уже в декабре 1914 года началось движение рабочих торпедно-минной и сборочной мастерской завода „Парвиайнен". 500 человек, в связи с уменьшением расценки, с утра прекратили работу,

пред'явив заводоуправлению ряд требований. Ночная смена, не приступая к работе, простояла у станков до утра („итальянила"). Требования не были удовлетворены, и 8 декабря рабочие опять прекратили работу. 8 декабря рабочие не были впущены на завод, и им был об'явлен расчет.

И эта стачка была не единственная. С самого начала войны экономические стачки фактически не прекращались, при чем они имели место не только в главных промышленных центрах — Ленинграде и Москве,—но и в ряде других пунктов. Всего, по официальным данным, за пять военных месяцев 1914 года было зарегистрировано 68 стачек со 160.152 участниками.

С начала 1915 года и в течение всего первого полугодия число экономических стачек непрерывно увеличивалось. В январе их было 14, феврале—21, марте — 20, апреле — 103, мае — 149, июне — 162. Соответственно увеличилось и количество рабочих, участвовавших в них: в январе число бастовавших на экономической почве рабочих было 6.814, а в июне — 76.930. Число стачек и число их участников с января по июнь 1915 года увеличилось, примерно, в 11 раз.

Из экономических стачек, имевших место в этот период, следует особо отметить майскую стачку железнодорожников в Москве, в которой участвовали рабочие мастерских Александровской (Белорусской) ж. д., а также агенты и рабочие московского железнодорожного узла.

Требования, которые рабочие пред'являли почти во всех этих забастовках, сводились, главным образом, к повышению заработной платы, сокращению рабочего времени, улучшению условий труда, устранению отдельных представителей администрации и т. д.

Что касается исхода забастовок, то только половина их окончилась благоприятно для рабочих — все или почти все требования были удовлетворены. Другая же половина забастовок не дала рабочим никаких практических результатов.

За первую половину 1915 года, под влиянием всей совокупности описанных условий, а также и усиливавшейся работы партийных организаций, в широких кругах рабочего класса начали замечаться и некоторые признаки политического под'ема.

Годовщину 9 января отметили забастовкой 2.528 рабочих десяти ленинградских предприятий, при чем никаких выступлений не было. Лишь на заводе „Дюфлон" рабочие пытались устроить митинг, но полиция помешала.

В день суда над рабочими депутатами — 10 февраля — бастовали 4 предприятия в Ленинграде и завод „Динамо" в Москве.

Так же, приблизительно, была отмечена и годовщина ленского расстрела — 4 апреля.

Более заметно прошел пролетарский праздник 1 мая. По сведениям заграничного партийного журнала „Социал-Демократ", в Ленинграде в этот

день бастовало 35 тысяч человек, арестовано 400, из которых 100 были отправлены на передовые позиции.

С значительным под'емом пролетарский праздник 1 мая провели московские рабочие. По сведениям охранного отделения в этот день в Москве бастовали 19.000 рабочих на 74 предприятиях, при чем рабочие завода „Динамо", оставляя работу, устроили демонстрацию, пели „Марсельезу", пока не были разогнаны полицией.

Всего на первое полугодие 1915 г., по официальным данным, имели место 35 политических стачек.

Еще более бурным характером отличалось стачечное движение второй половины этого года. Стачки следовали одна за другой, вызывая ряд сочувственных забастовок в родственных предприятиях. Рабочие, на ряду с экономическими требованиями, выставляли и чисто политические, хорошо понимая их внутреннюю связь и тесную зависимость.

3 июля забастовали рабочие завода „Новый Лесснер", требуя увеличения зарплаты на 50%, при чем одновременно рабочие призывались 4-го июля почтить память расстрелянных в этот день в 14 г. путиловцев; 8-го июля забастовали 2.000 рабочих завода Эриксон, требуя 100% прибавки; 9 и 10 июля не работали 2.000 рабочих Невского судостроительного завода. В мастерские была введена полиция, были пущены в ход угрозы

со стороны главного начальника военного округа, военно-обязанные рабочие вызывались к военным властям и т. п. За этот период всего бастовало 14.490 рабочих, среди которых были произведены многочисленные аресты. 16 июля забастовала Ново-Северная ткацкая мануфактура.

В августе прокатилась волна политических забастовок, сопровождавшихся столкновениями с полицией, в результате которых было много избитых и раненых. Главными причинами этих забастовок были дороговизна, протест против расстрела 11—12 августа стачечников в Иваново-Вознесенске и Костроме. В этих забастовках протеста участвовало 18.067 человек.

В конце августа и начале сентября расшевелились путиловцы. Начали с митинга, на котором была принята резолюция с требованиями: освободить осужденных депутатов-большевиков, заменить полицию инвалидами, убрать казаков, охраняющих заводы, всеобщее избирательное право с 18 лет и др. С 31 августа на заводе начались частичные забастовки, 2 сентября уже забастовали 6.254 чел., устроивши предварительно митинг, по окончании которого рабочие вышли с завода с пением революционных песен. 3-го сентября на заводе уже бастовало 19.336 человек. Из солидарности к путиловцам присоединились рабочие других предприятий Выборгского района, при чем общее число бастовавших в эти дни достигло 60 тыс. По сведениям „Социал-Демократа“, в этой забастовочной

волне, вызванной арестом 60 партийных и страховых работников, а также историческим постановлением генерала Фролова о наказании каторжными работами за забастовки, участвовало до 150.000 человек.

С октября стачечное движение снова усилилось. В начале октября на „Скороходе“ забастовало 5.000 чел. Фабрику закрыли, а все военно-обязанные были переданы воинскому начальнику. 19 октября забастовали 2.200 рабочих на заводе „Феникс“. 22-го октября был об'явлен расчет 2.000 рабочих завода „Парвиайнен“. Военно-обязанные были отправлены на фронт.

По инициативе партийного комитета, на заводах начали организовываться продовольственные комиссии и стачечные комитеты.

Конец года ознаменовался рядом экономических стачек и усиленным ростом революционного настроения у широких рабочих масс. В донесениях охранного отделения отмечаются многотысячные митинги и сходки почти на всех крупнейших заводах: Путиловском, Лесснера, Айваз, Эриксона и др. Была и демонстрация (19 ноября по случаю смерти втородумца соц.-дем. Ломтатидзе). В этот же период была брошена идея о создании „Совета рабочих депутатов“.

Заметно оживилось и рабочее движение в Москве.

11-го июля вспыхнула экономическая забастовка в центральной телеграфной конторе. 4 сентября

разразилась стихийная массовая стачка протеста против роспуска государственной думы, превращенная партийными организациями в протест против войны и царского самодержавия вообще. В этой стачке участвовали рабочие 38 предприятий. При об'явлении забастовки были и попытки устроить демонстрации. Бастовал и трамвай, и центральная электрическая станция.

16 октября об'явили забастовку, выставив экономические требования, рабочие и служащие Замоскворецкого, Золоторожского, Ново-Сокольничьего и Уваровского трамвайных парков, электрическая станция прекратила отпуск энергии, и трамвайное движение прекратилось.

В связи с забастовкой, среди трамвайщиков были произведены аресты, часть арестованных была предана суду.

В это же приблизительно время бастовали фабрики Косунко по Ярославскому шоссе, слесарное отделение завода „Гном и Рон", военно-промышленный завод № 2 и завод „Динамо".

С рабочими последнего, бастовавшими в течение всего военного периода неоднократно, царское правительство расправилось особенно свирепо. Завод был закрыт, 250 чел. военно-обязанных отправлено к воинскому начальнику, 70 человек высланы из Москвы и пр.

Массовые стихийные забастовки были и в некоторых других промышленных районах: Костроме, Иваново-Вознесенске и др.

К концу 1915 года, уныние и апатия, охватившие рабочие массы в первый период войны, можно было смело считать почти окончательно изжитыми. В настроении масс произошел определенный перелом. Налицо были все признаки грядущего революционного под'ема.

ГЛАВА V.

Стихийные выступления.

Стихийные выступления городской бедноты. — „Голодный" бунт в Москве. — Позиция организованных рабочих. — Погромная агитация полиции. — Немецкий погром в Москве. — Перелом настроения. — Пролетариат против погромного движения.

В своей борьбе с царским самодержавием в черную годину империалистической войны рабочий класс не был совсем одинок.

Твердыни царской монархии в период войны подтачивались и широкими массами городской бедноты, и даже обнищавшей мелкой буржуазией.

Выступления этих слоев населения, совершенно неорганизованных и в своем большинстве бессознательных, разумеется, могли быть и были исключительно стихийными, никем не руководимые, и они редко совпадали с организованными выступлениями рабочего класса. Благодаря этому, агентам царского правительства часто удавалось фактически овладеть стихийными взрывами глубокого недовольства народных масс, направляя его в сторону, наиболее желательную для правительства.

Эти обстоятельства, естественно, часто сводили на нет революционное значение этих выступлений

Однако, известную роль в подготовке свержения царизма они, несомненно, сыграли.

Главной причиной глубокого недовольства широких масс городской бедноты было необычайное ухудшение их положения во время войны, вызванное невероятным ростом цен на продукты питания, часто полным исчезновением их с рынка,— в целях спекуляции,— и обострившимся до очевидности неравенством между обнищавшими массами и разбогатевшей от военных заказов буржуазией.

Бесконечные хвосты у булочных и других продовольственных магазинов превратились в беспрерывные митинги, на которых подвергалась критике вначале продовольственная, а затем и вся вообще политика царского правительства.

Отсюда, с этих „хвостов“, обыкновенно и начинались стихийные выступления народных масс, выражавшиеся преимущественно в разграблении лавок, избиении спекулянтов и полиции, если последняя пыталась воспрепятствовать движению.

Таких стихийных „голодных“ бунтов, в которых наиболее активное участие обыкновенно принимали жены рабочих и „солдатки“, за годы войны было великое множество и во всей стране. И чем позже по времени эти бунты вспыхивали, тем более выпуклый политический характер они носили, тем более отчетливо озлобленная масса сознавала, кто истинный виновник всех обрушившихся на нее бедствий.

Вот некоторые подробности одного из таких выступлений, имевшего место в Москве.

В начале апреля 1915 года в различных районах Москвы вспыхнули „беспорядки“ на почве голода и дороговизны.

На Преображенском рынке женщины подняли шум по поводу дороговизны. Собралась толпа. Озлобленная масса набросилась на полицию. Вмешался случайно находившийся здесь помощник градоначальника Модль. Одна из женщин ударила его камнем. Толпа вытащила его из автомобиля, начала свирепо избивать и потащила к реке. На место „происшествия“ были вызваны войска, но возбужденные женщины, вместо того, чтобы разбежаться, начали кричать солдатам:

— Разве у вас нет жен — им так же плохо, как и нам. Стреляйте в нас, и ваших застрелят.

Почти одновременно аналогичные беспорядки имели место и на Пресне, где в выступлении принимали участие и отдельные рабочие, на Грузинах, где, как говорили, было арестовано до 400 человек, на Сивцевом Вражке, где были разбиты все стекла в магазине Чичкина и т. п.

Партийные организации, естественно, не могли оставаться равнодушными к положению масс, и они всемерно старались раз'яснять им истинные причины всех несчастий, давая накопившемуся в массах возмущению правильное направление.

По поводу описанного выступления на почве дороговизны большевистская Пресненская группа

выступила с листком, в котором, между прочим было сказано:

„...Во всех воюющих странах, и особенно в России, с начала войны страшно возросла дороговизна жизни. Цены на предметы первой необходимости возросли в полтора, в два и три раза. Семьи призванных на войну с ужасом думают о завтрашнем дне. На что купить подорожавшую муку, хлеб, мясо, дрова, чем заплатить за квартиру? Эти вопросы стоят перед городской беднотой во всей остроте. Высокие цены, новые налоги и акцизы — все вместе делает совершенно невыносимым положение трудящихся классов. А те меры, которые принимают городские думы против дороговизны, — сплошное лицемерие и издевательство над демократией. Ведь там сидят те же хозяева и хозяйчики, которые теперь не дремлют, стригут и стригут бессильного потребителя.

„...Во всех воюющих странах началось народное движение против дороговизны. Протесты против дороговизны начались и в России. Но та форма, в которую они пока вылились в Москве, Ленинграде и др. городах, не может быт поддержана сознательными рабочими. Рабочие не могут участвовать в разгроме лавок и избиении лавочников. Нужен решительный протест против общей причины дороговизны — против войны. Этот протест должен быть направлен и против рабских условий самодержавного строя, который душит

всякую общественную инициативу в борьбе с дороговизной. Свой протест рабочие должны провести не стихийно, а организованно."

Совершенно иной характер и последствия имело выступление городских масс Москвы, которое было вызвано и фактически направлялось высшими представителями сановной аристократии через органы полиции.

Речь идет о так называемом „немецком погроме", разразившемся в Москве 28—29 мая 1915 г.

Травля, которую шовинистическая пресса всех оттенков с самого начала войны вела против немцев, создала весьма благоприятную почву для отравления сознания широких слоев городского мещанства ядом человеконенавистничества. Подобными настроениями были одержимы и некоторые из наиболее отсталых кругов рабочих. Для усиления ненависти последних к немцам, агенты полиции широко использовали недовольство рабочих некоторыми администраторами и мастерами из немцев, используя даже такие случаи, как массовые острожелудочные заболевания на Прохоровской мануфактуре, которые они об'ясняли отравлением немцами воды и т. п.

Так, полицией, по директивам „свыше", была подготовлена почва для погрома, разразившегося 28 мая 1915 года.

Пестрая и разношерстная толпа, среди которой, возможно, были и отдельные группы рабочих, под негласным руководством и по указаниям полиции,

разграбила, расхитила и подожгла значительное количество магазинов и квартир, принадлежавших лицам с немецкими фамилиями.

Для виду полиция якобы пыталась приостановить погром, конечно, после того, как он уже был окончен, но оценка роли ее в этом гнусном и позорном выступлении самыми разнообразными слоями московского населения от этого нисколько не изменилась.

Какие цели царские власти преследовали погромом 28—29 мая — догадаться не трудно: отвлечь внимание голодающих масс от истинных причин их бедственного положения, отравить их сознание ядом звериного шовинизма, демонстрировать перед всем миром их военный патриотизм и т. п.

Однако, на этот раз царское правительство обманулось в своих расчетах. Уже во время погрома разбушевавшаяся стихия начала инстинктивно нащупывать настоящего врага, гнев толпы начал определенно обращаться против полиции и правительства вообще.

„...Ночью, — сообщает в своем донесении один из агентов охранки, — заметна была перемена настроения, враждебно переменившегося в отношении полиции, и был замечен ряд мелких столкновений, которые на другой день пришлось уже круче ликвидировать."

„...Это ничего, — говорили в толпе, по словам того же агента, — что с немцев начали, доберутся и до всех, кому следует „накласть".

Что касается отношения рабочих к безобразнейшей провокационной выходке полиции, то, не говоря уже об организованных их группах, которые официально протестовали против погрома в ряде листков, резолюций и заявлений, но даже и отдельные рядовые рабочие, не исключая и тех, которые случайно были вовлечены в это гнусное выступление, очень скоро отрезвились и всячески старались отмежеваться от черносотенных погромщиков.

„На Никольской, недалеко от склада Циндель, — пишет в своем докладе охранник „Михайлов“, — выделялась группа, где горячо ораторствовал загорелый, здоровый рабочий. Он резко отзывался о погроме, обвинял во всем полицию и буржуазию, и вообще указывал, что „если и действовать, так не немцев избивать, а в о о б щ е в с е п е р е в е р н у т ь.“

„Теперь, — сообщает хорошо осведомленный провокатор „Пелагея“, — рабочие сознали всю нелепость такого выступления и считают, что они были введены в заблуждение разными слухами..., которые, будто бы, поддерживались и чинами местной полиции. В виду этого, в широких рабочих кругах растет сильное озлобление против полиции, которую считают главной виновницей всего происшедшего.“

В резолюции рабочих, переданной городскому голове, последние резко протестуют против обвинения рабочего класса в погроме, подробно вскрывают виновников его и цели, которые они пресле-

довали, организуя погром, и заявляют в заключение:

„До тех пор, пока не будут разбиты ржавые цепи, в которые закован русский измученный и голодный народ, русское правительство будет увлекать народ на разные авантюры и сеять между национальностями вражду, чтобы отвлечь внимание от его насущных задач, очередных лозунгов, выставленных в революционные дни 1905 года и поддержанных в последние дни широким рабочим движением."

Таким образом, надежды, которые самодержавие возлагало на немецкий погром, не оправдались. Напротив, он еще больше углубил недовольство масс, он им открыл глаза на основную причину и главного виновника всех их бедствий.

ГЛАВА VI.

На общественной поверхности.

Вылазки из подполья. — Рабочие на совещании по борьбе с алкоголизмом. — Подготовка к с'езду по борьбе с дороговизной. — Борьба большевиков с ликвидаторами. — Декларация рабочей фракции. — Отповедь рабочих делегаций вождю к.-д. Родичеву. — Требования рабочих.

Как ни тяжелы были полицейские условия в годы войны, как зорко и бдительно царская охранка ни следила за каждым шагом немногих сохранившихся рабочих организаций и их деятелей, как свирепо она ни преследовала малейшие проявления ими жизни, — рабочие все же старались при всякой к тому возможности вылезть из подполья, чтобы громко и во всеуслышание заявить о нуждах рабочего класса, формулировать его требования и познакомить широкие пролетарские массы со своим отношением ко всем наиболее острым вопросам текущего момента.

Такие попытки рабочими организациями были предприняты неоднократно и везде, где только для этого представлялась малейшая возможность. В подавляющем большинстве случаев эти вылазки пролетарского авангарда кончались весьма печально: немногие активные работники арестовывались, ссылались в Сибирь, организации закрыва-

лись и т. д. Но на ряду с этим бывали и случаи сравнительно благоприятного исхода таких вылазок, при чем некоторые из них давали огромные политические результаты.

Из этих последних заслуживают особого внимания московские совещания по борьбе с алкоголизмом, а особенно — по борьбе с дороговизной.

Первое совещание имело место 9—10 мая 1915 г. Участвовали в нем, главным образом, врачи и работники врачебно-санитарных организаций. Чего, казалось, можно было ожидать от такого спецовского с'езда со столь строго ограниченными специальными задачами? Однако, достаточно было на этот с'езд пробраться небольшой группе работников пролетарских организаций, и вся его физиономия, все направление и характер его деятельности мигом и радикально изменились.

Рабочую группу на этом совещании возглавлял представитель путиловцев тов. Козлов — большевик, судившийся в феврале 1915 г. вместе с рабочими депутатами.

Представители рабочих и примыкавшие к ним интеллитенты во всех своих выступлениях резко подчеркивали, что „алкоголизм глубоко связан с социально-экономическими условиями жизни. Увеличение заработной платы, улучшение питания и жилищ рабочих, клубы и организации — могут разрешить вопрос."

Представитель путиловских рабочих т. Козлов выступил на совещании с обширным докладом,

в котором подверг резкой критике все правительственные мероприятия по борьбе с алкоголизмом.

Представитель тульских рабочих тов. Бахтин говорил „о голоде пролетариата, необходимости уменьшения рабочего дня до 8 часов" и т. п.

Представитель московских кондитеров осуждал буржуазно-либеральную часть с'езда за незнакомство с условиями жизни пролетариата.

В заключение рабочей группой через т. Козлова была предложена резолюция, которая в своей принципиальной части устанавливала, что „массовый алкоголизм имеет свои корни в современном капиталистическом обществе, только замена современного общества высшими формами общественной организации (социализмом) прекратит массовый алкоголизм".

По полицейским и цензурным условиям, рабочим в легальных своих выступлениях приходилось ломать себе язык, придумывать всякие псевдонимы для своих революционных мыслей. Но в те времена все великолепно понимали, что и кто скрывается за этими аллегориями, и выдержки из речей и резолюций рабочих, доходя до широкой массы, немало способствовали ее революционизированию и развитию классового самосознания.

В этом отношении особенно крупную роль сыграл с'езд по борьбе с дороговизной, состоявшийся в Москве 11—13 июля 1915 года.

С'езд этот был созван всероссийским союзом городов, которым руководили кадеты. На с'езд

были также приглашены представители легальных рабочих организаций — профсоюзов и больничных касс.

Последние весьма охотно откликнулись на приглашение и послали на с'езд 36 представителей: 17 от профсоюзов, 5 от обществ взаимопомощи торговых служащих и 14 от больничных касс. На с'езде были представлены рабочие организации Москвы, Ленинграда, Самары, Брянска, Вильны, Тулы, Твери, Харькова, Витебска и Николаева.

Каких-либо реальных и практических результатов, в смысле ослабления дороговизны, рабочие от этого с'езда, конечно, не ожидали. Единственное, чего они добивались — это широкое использование с'езда в агитационно-политических целях.

Московские рабочие организации заблаговременно и довольно тщательно подготовлялись к с'езду, проработали основные вопросы его повестки, заготовили декларацию от имени рабочей группы, наметили тактику и т. д.

В процессе подготовительных работ, по обыкновению, возникли принципиальные разногласия между большевиками и ликвидаторами-оборонцами. Последние были против революционных выступлений на с'езде, рекомендовали обойти молчанием наиболее острые и принципиальные вопросы, уделяя главное внимание практическим мероприятиям в области борьбы с дороговизной. Но, как и до с'езда, так и во время с'езда, когда в заседаниях фракции участвовала вся рабочая

делегация, подавляющим большинством голосов — всеми против двух — были полностью одобрены все предложения большевиков, принята их декларация и избрано предложенное ими бюро для руководства деятельностью фракции.

Рабочая делегация сыграла значительную роль во всей работе с'езда. Она придала ему яркую политическую окраску и сорвала лже-патриотическую маску с распинавшейся за „отечество" либеральной буржуазии.

Уже при открытии с'езда, сейчас же после вступительной речи председателя, представитель тульских рабочих т. Давыдов от имени пролетарской делегации выступил с декларацией, выявляющей принципиальное отношение рабочего класса к с'езду и ко всем вопросам текущего момента вообще. После первой же фразы т. Давыдов был лишен слова, но декларация, вопреки протестам председателя, все же была оглашена.

Она гласила:

„Так как настоящий с'езд, по мысли его инициаторов, должен демонстрировать об'единение всех классов русского общества на единственной очередной задаче—национальной обороне, мы указываем, что такого об'единения фактически не существует.

„Большинство этого с'езда, как и его инициаторы, стоят на буржуазной точке зрения, мы же стоим на пролетарской, классовой позиции, которая является точкой зрения пролетарского интернационала.

„Наше знамя — знамя об'единения пролетариата всех стран.

„Организация ведения войны — не наша задача.

„Наша цель — путем упрочения международного пролетарского об'единения и ведения последовательной классовой борьбы осуществить мир.

„Явившись на с'езд, мы считаем нужным заявить, что участвуем в его работах исключительно в целях освещения, с точки зрения интересов пролетариата и широких слоев демократии, вопросов дороговизны и борьбы с ней.

„Только в этих пределах мы принимаем участие в работах с'езда."

С очень яркими и выдержанными, учитывая полицейские и цензурные условия, речами выступали рабочие и по всем главным вопросам порядка дня с'езда.

Тон прениям по докладам о размере и причинах дороговизны, а также мерах борьбы с ней, дали представители рабочих.

„... Системы борьбы с дороговизной жизни, — заявил делегат больничной кассы завода Эриксон, — я здесь не вижу. Я слышу только слова и слова. Была бы только одна возможность борьбы с дороговизной, — если бы в этом принимали участие рабочие кооперативы, профессиональные союзы, представители больничных касс. Но мы знаем, что тогда моментально будут закрыты кооперативы рабочих, и будет наложена рука на представителей рабочего класса. Спрашивается, — при

таких условиях может ли рабочий класс вести борьбу с дороговизной?"

„. . Вы видели, — заявил другой делегат ленинградских рабочих Сурин, — что цены на предметы первой необходимости страшно повысились, но в связи с этим повысилась ли заработная плата? Нет!... Прежде, чем говорить о мерах борьбы с дороговизной, нам нужно говорить о том, чтобы за нами были признаны права человека, нам нужно бороться за неприкосновенность личности представителей рабочего класса."

С горячей „патриотической" речью против „узко-классовых" требований рабочих выступил известный кадетский вождь Родичев. Он призывал рабочих к „единению", к жертвенности во имя спасения родины и т. п. Но выступившие вслед за ним рабочие дали ему заслуженную отповедь.

В. П. Милютин, отвечая Родичеву, заявил: „Мы, действительно, приближаемся к краху, если только демократические низы, в лице рабочих и крестьян, не смогут проявить активной деятельности и не придут на смену тех, кто до сих пор стоял во главе и привел страну в такое положение. Только в организации рабочего класса мы найдем до известной степени спасение, и нужно напрячь все силы, чтобы те оковы, которые до сих пор сковывали рабочий класс, были разорваны."

„Один выход может быть в данном положении,— заявил рабочий Судаков,— переустройство государственного строя на более демократических

началах. Должны быть даны свобода слова, собраний, неприкосновенность личности и т. п. А в данное время, если нас призывают к единению, но права на об'единение у нас нет, то никакого единения и не может быть."

С яркими и богато иллюстрированными фактами, цифрами и речами против Родичева выступил еще представитель московских рабочих Карасев, а также и делегаты витебских и виленских рабочих, которые подчеркнули особо тяжелые условия жизни и борьбы еврейских пролетариев, подвергающихся национальным преследованиям и др.

Речь тов. Карасева, даже по признанию охранника Соколова, „произвела большое впечатление, и он был награжден шумными аплодисментами".

Выступали рабочие представители и по другим вопросам, обсуждавшимся на с'езде, особенно же о кооперации и о привлечении на работу военно-пленных.

Рабочие явились на с'езд хорошо подготовленными, снабженные огромным количеством фактов и цифр, ярко характеризующих положение трудящихся и условия их жизни и труда, и потому все их выступления производили неотразимое впечатление.

В заключение рабочей группой была внесена следующая резолюция:

„Принимая во внимание, что правящие слои в настоящий критический момент обнаруживают полное банкротство, что хозяйственная дезоргани-

зация страны принимает угрожающий характер, и что борьба с ней может вестись только при непосредственном и активном участии... наиболее заинтересованных в этом трудящихся классов — совещание признает необходимым: 1) создание полновластного народного представительства; 2) установление неприкосновенности личности, полной свободы слова, печати, собраний и коалиций (союзов); 3) гражданское и национальное равноправие всех национальностей и вероисповеданий; 4) полную политическую амнистию и немедленное восстановление в правах осужденных членов государственной думы рабочей фракции; 5) полную демократизацию земского и городского самоуправлений и немедленное привлечени в исполнительные комиссии по борьбе с дороговизной представителей рабочих и 6) немедленное создание центрального органа по борьбе с дороговизной... с широкими полномочиями."

Само собой разумеется, что кадетско-буржуазным большинством с'езда эта резолюция была отвергнута. Но от этого значение участия рабочих в с'езде нисколько не уменьшилось. Реальных результатов ведь рабочие от этого буржуазного с'езда и не ожидали.

ГЛАВА VII.

Борьба вокруг военно-промышленных комитетов.

Ликвидаторы на помочах у капиталистов. — Попытка привлечь рабочих к сотрудничеству с буржуазией. — Борьба большевиков против „военно-промышленных социалистов.“ — Большинство рабочего класса против ликвидаторов. — Донос Гвоздева и сделка гвоздевцев с буржуазией. — Использование кампании партийными организациями. — Судьба „рабочих“ групп.

Все более и более усиливавшееся брожение среди рабочих масс, рост и углубление недовольства среди них и развитие стачечного движения начали серьезно тревожить „патриотическую“ буржуазию.

Рабочих, в целях сохранения „спокойствия и порядка“, т.-е. своих военных барышей, необходимо было во что бы то ни стало оседлать. Но одних полицейских мер, одних арестов, высылок и репрессий для этого было уже недостаточно. Рабочие приспособились к военно-полицейским условиям, их уж не пугали и не останавливали преследования.

Исключительные цели требовали и исключительных мер для их осуществления. Чтобы подчинить своему влиянию рабочие массы, заставить их слепо выполнять свою волю и служить

своим интересам, буржуазия на этот раз избрала другой способ. Она решила привлечь рабочих к „сотрудничеству“, впрягши их в военно-патриотическую колеснипу „обороны“ и „защиты“ родины.

„Хитрая механика“ буржуазии заключалась в следующем. При организованных ими военно-промышленных комитетах они создали особые „рабочие“ группы, к участию в которых они намеревались привлечь представителей от рабочих фабрик и заводов. Активное участие рабочих в деятельности военно-промышленных комитетов, призванных содействовать нормальной работе предприятий, работающих на оборону, — рассуждали капиталисты, — заставит рабочих умерить свои требования, отвлечет их внимание от своего ухудшающегося положения и, главное, от тлетворной агитации большевиков, под влиянием которой среди широких рабочих масс растут и крепнут „пораженческие“ настроения.

Задумали капиталисты, как видим, недурно — для себя, конечно. План их, удайся он только, мог действительно разложить и дезорганизовать рабочий класс, чего буржуазия собственно и добивалась.

Но дело-то в том, что вся эта авантюра военно-промышленников, возглавляемых такими колоритными представителями буржуазии, как Гучков и Коновалов, с самого начала была обречена на полную неудачу — уже слишком хорошо рабочий

класс знал этих господ! Но на помощь им пришли наши ликвидаторы, которые, что называется, из кожи лезли вон, чтобы уговорить рабочих пойти на приманку промышленников и выбрать представителей в „рабочие“ группы военно-промышленных комитетов.

Однако, просто и откровенно предлагать рабочим пойти на службу буржуазии, конечно, нельзя было. Это ликвидаторы, имевшие связи с рабочими массами, хорошо знали. В своей агитации они, поэтому, сознательно затушевывали оборонческие цели и задачи военно-промышленных комитетов, обходили молчанием вопрос о том, что участие в них рабочих буржуазии нужно, чтобы легче эксплоатировать трудящихся, извлекать больше барышей из своей работы на „оборону“. Затоони выдвигали и подчеркивали такие моменты, которые были близки рабочим и могли их заинтересовать: возможность через военно-промышленные комитеты организовать легальный рабочий центр, возможность давления на промышленников, улучшения условий труда, разрешения, с участием представителей рабочих, конфликтов на предприятиях, ослабления полицейского нажима и т. д.

В течение довольно продолжительного времени между различными группами рабочих велась ожесточенная борьба вокруг вопроса об участии в военно-промышленных комитетах.

Широкую и интенсивную кампанию по этому вопросу развили не только ликвидаторы, но и

большевики, во главе с Ленинградским комитетом партии. Агитаторы последнего выступали на многочисленных рабочих собраниях и митингах с изложением своей точки зрения, вскрывая антипролетарскую тактику ликвидаторов и реакционно-империалистические цели и задачи военно-промышленных комитетов и их пресловутых „рабочих“ групп.

Выступления большевистских агитаторов встречались с огромным сочувствием широкими пролетарскими массами, революционно-интернационалистские лозунги были ближе и понятнее им, чем патриотические призывы оборонцев, о чем свидетельствуют большевистские наказы и многочисленные резолюции, принятые большинством предвыборных рабочих собраний.

Эти резолюции не оставляли ни малейшего сомнения в том, за кем идет рабочий класс и каково его отношение к войне и ко всей военной общественности.

„Настоящая мировая война,—говорится в резолюции, принятой рабочими завода „Новый Лесснер“,—затеяна и ведется исключительно в интересах буржуазно-капиталистического общества... Одновременно с об'явлением войны центральным империям, командующие классы об'явили беспощадную войну всему трудящемуся классу. Задушили рабочие профессиональные союзы и просветительные общества, уничтожили рабочую печать. Оклеветали и сослали на каторгу представителей про-

летариата в государственной думе. И теперь, после 13 месяцев,... они делают попытку привлечь на свою сторону рабочий класс, только вчера расстреливаемых рабочих зовут защищать „отечество". Наш ответ может быть только один: ... всякую деятельность, связанную с поддержкой международной бойни, с поддержкой командующих классов, ...мы отвергаем. Мы признаем, что только полное крушение капиталистического, полицейско-самодержавного строя в состоянии вывести страну из создавшегося положения".

Заканчивается резолюция рядом революционных требований.

Первое собрание уполномоченных ленинградских рабочих для избрания представителей в центральный военно-промышленный комитет состоялось 27 сентября 1915 года.

На собрании развернулись продолжительные и страстные прения. Ораторы большевиков предлагали в выборах не участвовать, а вынести резолюцию, выявляющую точку зрения пролетариата. Ликвидаторы мобилизовали все свои силы, чтобы отразить натиск большевиков. С их стороны выступало больше 10 ораторов, в том числе и лидеры их—Гвоздев и Брейдо. Однако, исход борьбы был предрешен. Большинство уполномоченных получили от своих избирателей-рабочих наказы не участвовать в выборах, и потому большинством 90 голосов против 81 было принято предложение большевиков. Тем же большинством со-

брание приняло обширный наказ, выработанный ленинградским комитетом партии, заключительная резолютивная часть которого гласила:

„Исходя из этой позиции: 1) не может быть речи об участии представителей рабочих в центральном военно-промышленном комитете; 2) подобное участие было бы фальсификацией воли пролетариата, изменой его революционному интернационалистскому знамени; 3) поэтому рабочие-уполномоченные должны громогласно заявить об отказе участвовать в каких бы то ни было учреждениях, способствующих войне."

Потерпев столь позорное поражение при встрече лицом к лицу с представителями почти всего ленинградского пролетариата, оборонцы-ликвидаторы, однако, не успокоились и продолжали гнуть свою прежнюю либерально-патриотическую линию В буржуазной прессе появился наделавший в свое время много шуму донос Гвоздева, в котором он доводил до общего сведения, что первые выборы незаконны, так как в них, под видом рабочих, участвовали „посторонние лица" (читай: большевики), а потому должны быть назначены перевыборы.

Гучковские „молодцы" из военно-промышленного комитета охотно пошли навстречу своим „пролетарским" прислужникам, и перевыборы были назначены. На них явилось 153 уполномоченных. Сейчас же после открытия избирательного собрания представитель большевиков огласил мо-

тивированное заявление о незаконности новых выборов, так как рабочие определенно и категорически на предыдущем собрании отказались участвовать в военно-промышленных комитетах.

„В виду того,—заканчивалось это заявление,—что кучке самозванцев удалось сторговаться с буржуазией и созвать сегодняшнее собрание, мы заявляем, что считаем изменниками всех, способствовавших этой закулисной сделке, и поведем с ними упорную борьбу во всех слоях рабочих масс, где изменникам не должно быть места."

Большевики и их сторонники, в количестве 89 человек, покинули собрание. Остались на нем одни только ликвидаторы и родственные им группы, избравшие из своей среды центральную и областную „рабочие" группы, которые в течение почти полутора лет—до самой Февральской революции—разлагали и тормозили рабочее движение.

Борьба вокруг выборов и участия в военно-промышленных комитетах из Ленинграда перекинулась в Москву, Самару, Харьков и все другие более или менее крупные центры, докатившись даже до Иркутска.

Всюду этот вопрос вызывал глубокие разногласия и раскалывал рабочих. Пролетарские массы в своем большинстве были против участия в военно-промышленных комитетах и стояли за бойкот выборов. А ликвидаторы-оборонцы, с примыкавшими к ним небольшими группами рабочих, были за участие и выделяли из себя „рабочие" группы.

Не только в столице, но и в провинции партийные организации, насколько это было возможно, довольно широко использовывали эту кампанию и легальные рабочие собрания для популяризации в рабочих массах революционных идей и последовательно-пролетарской тактики, для сплочения вокруг партийных лозунгов пролетарского авангарда и организации широких масс, которые до того были почти совершенно распылены.

Работать приходилось в невыносимо тяжелых условиях, каждый шаг стоил огромных жертв. Но работа эта не пропала даром. Она дала значительные результаты, которые впоследствии сказались весьма реально.

Что же касается деятельности „рабочих“ групп, то она, как это и было предвидено заранее, никаких практических результатов для рабочих, конечно, не имела. Если бы ликвидаторы и хотели что-нибудь предпринять для действительного облегчения положения рабочих масс, то они не были бы в силах. Даже свою куцую программу, которую центральная „рабочая“ группа выработала при своей организации, ей не давали провести в жизнь, хотя в ней больше говорится о „содействии мобилизации промышленности, урегулировании продовольственного вопроса“ и только мельком упоминается о „содействии организации профсоюзов, охране труда“ и т. п. Буржуазии „рабочие“ группы нужны были только для того, чтобы охранять „порядок и спокойствие“ на

предприятиях, бороться с усиливающимся стачечным движением, отравлять сознание широких масс трудящихся патриотическим дурманом. Работу „рабочих“ групп в этой области капиталисты из военно-промышленных комитетов широко поощряли и всячески содействовали ее успеху. Но как только в „рабочих“ группах, под давлением низов, поднимался какой-либо вопрос, связанный с улучшением положения последних, капиталисты тотчас же отдергивали и призывали к порядку увлекшихся „рабочегрупповцев“.

И, действительно, если проследить всю деятельность „рабочих“ групп, если вспомнить их поведение в наиболее острые моменты рабочей борьбы, то окажется, что они всегда играли на руку буржуазии и предавали интересы рабочего класса.

Правда, в последний период своего существования, уже накануне Февральской революции, „рабочие“ группы как будто начали понимать, какую позорную роль они играют, и сделали поворот влево. Но уже было поздно. Они уж тогда были совершенно изолированы от рабочих масс, некому было их поддержать, и царское правительство, для которого они стали опасны, быстро ликвидировало их.

ГЛАВА VIII.

Профсоюзы во время войны.

Разгром профдвижения накануне войны. — Тяжелая обстановка для союзного строительства и союзной работы. — Профсоюзы — школы революционного марксизма. — Политические выступления московских союзов. — Профсоюзы против „военно-промышленных социалистов". — Усиление репрессий. Оживление профработы. — Покушение царского сената на права профсоюзов. — Из жизни и деятельности московского союза печатников в 1916 г. — Профпечать во время войны.

В главных центрах рабочего движения наиболее мощные профсоюзы были разгромлены еще до начала империалистической войны. В Ленинграде, отчасти в Москве, на Урале и во многих других пунктах широкие рабочие массы упорно и напряженно боролись за свои профессиональные организации, горячо протестовали против их преследования и даже устраивали специальные забастовки-протеста и уличные демонстрации, как это, например, имело место при последнем закрытии профсоюза металлистов в Ленинграде. Но практических результатов эта борьба в то время не давала, и к началу империалистической войны русское профдвижение было фактически разгромлено.

В Ленинграде к этому времени, кажется, не осталось почти ни одного союза. В Москве и некоторых других более крупных промышленных центрах сохранились союзы преимущественно не чисто пролетарские—торгово-промышленных служащих, официантов и т. п., или же в тех отраслях труда, которые в данном районе не играют сколько-нибудь заметной роли.

С возникновением мировой бойни преследования рабочего класса и его организаций, как известно, еще более усилились. И значительная часть из тех немногих профорганизаций, которые с трудом удалось удержать до начала войны, теперь погибли.

О создании новых союзов, вместо закрытых, в первый период войны, конечно, не могло быть и речи. Если и в „мирное“ время вырвать у царской администрации разрешение на профессиональный союз представлялось делом весьма и весьма тяжелым и требовало невероятных усилий и бесконечного времени, то в условиях военного режима, когда вся власть перешла к генералам и жандармам, которые совершенно не считались даже с жалкими царскими законами, охотников затеять волокиту с канцеляриями об утверждении устава нового союза, естественно, не находилось.

Впрочем, и экономическое положение рабочих масс и настроение их не были такими, чтобы руководители рабочего класса — партийные организации — могли в них черпать энергию, достаточную

для преодоления прямо-таки невероятных затруднений, с которыми тогда было связано создание каждого нового союза.

В первый период войны экономический кризис давал себя довольно сильно чувствовать, безработица росла, рассеявшиеся по всей стране беженцы являлись невольными конкурентами местных рабочих, условия труда ухудшались, зарплата падала, рабочий день удлинялся, требования охраны труда совершенно игнорировались обнаглевшими предпринимателями. Что, в самом деле, могли бы при таких условиях сделать союзы, об'единяющие незначительную часть пролетариев данного производства, слабые, без средств и к тому же еще преследуемые властями?

Сказанное, однако, не следует понимать в том смысле, что деятели рабочего движения тогда не пытались воссоздать профдвижение. Конечно, нет. Там, где только была малейшая возможность поддержать существующий или создать новый профсоюз, это, конечно, делалось, не взирая на неизбежные и подчас весьма тяжелые жертвы. Но таких возможностей было чрезвычайно мало.

Таково было общее положение. В отдельных же районах и производствах оно, разумеется, несколько отличалось от него в том или ином отношении.

В Москве, в Самаре, Саратове, Риге, Вильне, Киеве и ряде других городов к началу войны были отдельные профсоюзы, которые вскоре, как только они оправились несколько и пришли

в себя после первых оглушительных ударов мировой бойни, начали снова проявлять кое-какие признаки жизни.

В чем же заключалась работа легальных профсоюзов в первый период войны?

Уже из сказанного ясно, что заниматься сколько-нибудь успешно в это время обычной профсоюзной работой — регулировать конфликты между своими членами и предпринимателями, руководить стачками и вообще защищать экономические интересы своей массы, — союзы, конечно, не могли. Ни об'ективная обстановка, ни их силы этого не позволяли. Но отсюда отнюдь не следует, что существовавшие в это время союзы совсем ничего не делали.

Главное внимание союзов, — вернее их руководящих марксистских кругов, — было обращено на использование тех немногих легальных возможностей, которые дает союз в интересах всего рабочего класса и партии, в интересах развития политического сознания и углубления революционного духа своих членов.

И в этом отношении профсоюзы, как слабы они ни были, безусловно сыграли значительную роль. Наравне с другими рабочими организациями, профсоюзы в годы империалистической войны были хорошими школами революционного марксизма и последовательного интернационализма, которые впоследствии дали российскому пролетариату не одну сотню выдающихся бойцов.

Небольшие сравнительно группы рабочих, на которые в это время опирались союзы, во все время войны шли в первых рядах революционной части пролетариата, в своем большинстве примыкая к большевикам и активно их поддерживая.

Еще в первые месяцы, как только московские партийные группы начали агитацию против войны, они обратили свои взоры на сохранившиеся профсоюзы, привлекая их к участию в работе.

В частности, был привлечен к активному участию в антимилитаристской пропаганде профсоюз печатников, который за это вскоре был закрыт.

В постановлении администрации закрытие союза подробно мотивируется:

„...Преступная деятельность такового (союза) не прекратилась, и неоднократно поступали сведения, что это общество является рассадником революционных идей в среде рабочих местных типо-литографий. В правление этого общества постоянно избирались лица в большинстве с революционным прошлым и активные партийные работники, почему деятельность общества всегда была направлена к сплочению и распропагандированию масс. Даже и в настоящее время, время всеобщего патриотического под'ема, — это общество не перестает преследовать преступные цели и всячески стремится провести в жизнь предначертания революционных партий.

„... 16 октября было произведено несколько обысков, при чем у секретаря проф. об-ва рабо-

чих печатного искусства Валерия Аничкина, проживающего в помещении общества, был найден 91 экземпляр однородного содержания воззваний: „К крестьянам, рабочим, солдатам, всем честным людям“... В помещении общества, под видом заседаний правления, устраивались собрания, на которых присутствовали с правом решающего голоса рядовые члены общества... „захватившие в свои руки все дела общества и направляющие его деятельность по своему желанию в явно противоправительственном направлении“...

Ярким политическим выступлением профсоюзов было и постановление центрального бюро московских союзов протестовать против суда над пятью депутатами — большевиками.

Правление профсоюза рабочих хлебопекарного производства пошло еще дальше: оно принципиально решило устроить в день суда забастовку и уличные демонстрации.

В это же приблизительно время (февраль — март 1915 г.) начала действовать социал-демократическая группа при профсоюзе московских металлистов „Единение“. По сведениям охранки, группу эту возглавляли Е. М. Маленьков, И. М. Богданов и И. А. Беляев. Группа эта решила выпустить листовку, составление которой взял на себя тов. Маленьков. Листовка его была одобрена и ему же было поручено напечатать ее. Но вскоре вся группа была арестована. Тов. Маленьков был предан суду и приговорен к 4 годам каторжных работ.

Группа эта просуществовала недолго, но все же она успела устроить несколько собраний металлистов, наметила план работы и даже успела приступить к его осуществлению.

Довольно энергично московские профсоюзы начали было готовиться и к празднованию 1 мая 1915 года. Вопрос этот был поднят профсоюзом портных, который предполагал 23 апреля устроить об этом общее собрание в клубе „Образование". 26 апреля этот вопрос должен был обсуждаться и на общем собрании членов союза металлистов „Единение". Но охранка, осведомившись через своих агентов о предстоящих собраниях, запретила их. Профсоюзы решили устроить собрание, не взирая ни на что. Но в ночь на 6 апреля произошли массовые аресты и обыски, которые сорвали начатую кампанию.

Даже в союзе торговых служащих, на открытом собрании членов правления, состоявшемся 28 апреля, т.-е. уже после упомянутых арестов, был также поднят вопрос о праздновании 1 мая.

Один из присутствовавших обратился к правлению с вопросом, как оно относится к празднованию 1 мая в текущем году в связи с тем, что западно-европейская социал-демократия, по случаю войны, отменила этот праздник.

Правление явно уклонялось от прямого ответа на поставленный вопрос, но присутствовавший на собрании присяжный поверенный Яхонтов (большевик) выступил с горячей речью, призывая

к активному выступлению в день 1 мая, т. к. в России ничего не случилось, из-за чего можно бы говорить об отмене пролетарского праздника.

„Существует та же царская монархия, и репрессии правительства скорее увеличились, чем уменьшились, а потому лозунги социал-демократии остаются в полной силе."

Профсоюзы весьма живо откликались, и притом довольно выдержанно с революционно-марксистской точки зрения, и на все другие более или менее крупные события современной общественно-политической жизни.

На натравливание полицией городской бедноты против немцев,—что привело к погрому 28—29 мая 1915 года,—правление общества торговых служащих реагировало протестом, в котором прямо и решительно заявляет, что „разгром предприятий, принадлежащих иностранным подданным, организован той же опытной рукой и протекал при многих сходных условиях с погромами 1905—1906 гг.

Отмечая далее, что погром, который открыто подготовлялся, вследствие отсутствия независимой рабочей прессы, не мог встретить должного противодействия, правление заявляет, что единственной целью подстрекателей к погрому было „разжигание шовинизма в несознательных массах".

От погрома пострадало значительное количество торговых служащих, лишившихся работы, а потому правление требует от городского управления немедленной помощи для оставшихся без

заработка служащих и рабочих, при чем к выяснению степени нужды последних, а также и к самой организации помощи обязательно должны быть привлечены профессиональные рабочие организации.

С еще более решительным протестом против немецкого погрома выступила группа членов профессионального общества рабочих и работниц портновского производства во главе с секретарем союза Ив. Токаревым.

Об участии и роли профсоюзов в московском с'езде по борьбе с дороговизной мы уж говорили. Здесь только перечислим союзы, пославшие своих делегатов на этот с'езд.

Из московских союзов на с'езде были представлены: проф. общество кондитеров (тов. Абентум), проф. об-во архитектурно-строительных рабочих (И. Н. Горюнов), об-во взаимопомощи коммерческих служащих (К. А. Иосифов), об-во купеческих приказчиков (Н. С. Калашников), об-во взаимопомощи торговых служащих (С. В. Кассиор), проф. об-во золотосеребренников (Корчагин), проф. об-во рабочих ремешечников (Н. Ф. Мишенко), сапожников (И. М. Никандров), проф. об-во мануфактуристов (П. Я. Новиков), проф. об-во поваров (К. С. Павловский), об-во рабочих по обработке дерева (В. И. Решетников), по обработке стекла и фарфора (В. Ф. Соколов), проф. об-во металлистов „Единение" (С. И. Соколов), об-во хлебопеков (П. П. Титов), об-во официантов (И. С. Тока-

рев и И. Р. Туманов). Из иногородних союзов на с'езде были представлены: самарское об-во приказчиков, виленский профсоюз рабочих печатного дела, тульский — металлистов, харьковское об-во приказчиков.

Столь интенсивная сравнительно деятельность профсоюзов не могла, конечно, не привлечь к себе внимания охранки, которая в октябре произвела одновременный налет чуть ли не на все московские союзы.

Политический характер деятельности профсоюзов подчеркивает в своих воспоминаниях и т. Сапронов, тогда организатор и руководитель профсоюза строителей.

„В это время, — вспоминает т. Сапронов — у нас существовало центральное бюро (Ц. Б.) профсоюзов. Ц. Б., за исключением представителя печатников, состояло целиком из большевиков — рабочих... Лучше всех организован был союз портных. Две-три партийных группы. Во главе их т.т. Токарев, Сахаров, Бирюков. Была также группа металлистов, одна или две. Во главе их стояли... провокатор Соколов и Кривошеин — энергичный, деятельный. Шевелились немного и булочники. Текстильщики имели кое-где на заводах группы... Ц. Б. служило скорее партийным центром, чем профессиональным. В ноябре 1915 года оно начало работать более активно. Устраивались вечеринки и доклады для более широкого круга товарищей. Доклады устраивались в союзе торго-

вых служащих. Однажды в помещении союза нас накрыла полиция. После обыска переписали и отпустили. Пока обошлось без ареста."

Полицейские репрессии, естественно, совершенно обессиливали и без того бедные работниками союзы. Бывало и так, что в тюрьме оказывалось все правление и некому было даже созвать общее собрание для избрания нового.

Такое приблизительно положение было в московском союзе мануфактуристов (текстильщиков).

В конце 1915 года положение союза было чрезвычайно тяжелое. Членов оно насчитывало всего 70 человек и влачило жалкое существование. В течение трех месяцев союз почти совершенно бездействовал, и в правление никто не заглядывал. Но с середины января 1916 года союз начал постепенно оживать. Работа, хотя туго, но все-таки подвигалась вперед. Вскоре все правление было арестовано, и в марте 1916 года союз уж сидел без правления, так как новые выборы не были произведены.

В 1916 году, хотя репрессии против профсоюзов отнюдь не ослабевали, последние все же как-будто начали проявлять более интенсивную деятельность. Надвигавшийся революционный шквал расшевелил и союзы.

Заметное оживление внесла борьба вокруг вопроса об участии в военно-промышленных комитетах, в которую многие союзы были активно вовлечены.

Общее собрание членов московского союза официантов, состоявшееся 8 декабря 1915 года, вынесло резолюцию, резко порицающую „рабочую“ группу при военно-промышленном комитете и не признающую ее представительницей и выразительницей взглядов рабочего класса. В 1916 году союз отклонил предложение „рабочей группы“ обсудить совместно с ней вопрос о предстоящем с'езде бирж труда и вообще отказался от каких бы то ни было совместных с „рабочей“ группой выступлений.

Аналогичную позицию по отношению к „рабочей“ группе занял и вновь легализованный в конце января 1916 года профсоюз московских печатников и многие другие.

Оживлялась понемногу и чисто профессиональная работа. Так, например, на общем собрании членов самарского профессионального общества лиц, занятых в торгово-промышленных предприятиях, 31 января 1916 года было постановлено расширить деятельность союза, для чего организовать при правлении бюро труда, конфликтную комиссию, медицинскую и юридическую помощь членам союза, культкомиссию, созывать делегатские собрания и т. п. В начале февраля состоялось второе общее собрание, которое постановило организовать женскую секцию для подготовки и проведения предстоящего „женского дня“, а также созвать ряд собраний для создания профессиональных секций.

Начали просыпаться от глубокой спячки и некоторые из киевских союзов. Особенно это относится к союзу портных, который насчитывал 344 членов, в том числе 163 женщины. Союз развил довольно заметную работу, в которую были втянуты и работницы. В правлении из 9 членов 8 были женщины, в культкомиссии их было 13 из общего количества 14, комиссии по приисканию работы 5 из 12, конфликтной 1 из 8 и т. д. В общем в активную союзную работу было втянуто 73 члена союза (больше 20% всего их числа) в том числе мужчин 20, женщин 53.

И это при непрерывно усиливавшихся гонениях, при непрекращающихся арестах, высылках профработников и всяких других проявлениях грубого произвола, которые щедро сыпались на профсоюзы со всех сторон.

Весьма колоритный факт преследования профсоюзов имел место 2 февраля 1916 года в Саратове.

Общее собрание членов союза деревообделочников. Секретарь читает отчетный доклад правления, при чем, указывая на рост дороговизны и ухудшающееся положение рабочих, он призывает членов сплотиться вокруг союза.

Присутствовавший на собрании полицейский чин ни с того, ни с сего вдруг приостановил чтение доклада. На недоуменные вопросы членов правления, чем вызван запрет, чин, не моргнув даже глазом, „раз'яснил", что доклад запрещается

потому, что он не произносится устно, а читается по писанному, тогда как в повестке собрания ничего не сказано ни о чтении, ни о чтеце...

Все доводы правления ни к чему не привели: доклад пришлось прервать и приступить прямо к переизбранию правления.

Было бы, однако, несправедливо считать, что так усердствовали в преследовании союзов одни только провинциальные полицейские чины. Не меньше абсурдов творили и центральные царские власти, не исключая и самих толкователей законов и блюстителей „законности“ в николаевской России.

На каком-то общем собрании членов Ленинградского союза рабочих по обработке дерева должна была, между прочим, обсуждаться инструкция об оказании помощи безработным членам союза. Представитель градоначальника не допустил обсуждения этого вопроса, на том основании, что безработные, мол, уже не члены союза, а последний, следовательно, к ним никакого отношения не имеет. Правление союза обжаловало это „раз'яснение“ в правительствующий сенат. Последний долго обдумывал этот „страшно сложный и запутанный“ вопрос и, наконец, в начале 1916 года, он авторитетно заявил, что градоначальник прав, и отныне профсоюзы вообще не имеют права выдавать пособия безработным.

Это „сенатское раз'яснение" достаточно красноречиво говорит само за себя и ни в каких пояснениях безусловно не нуждается.

Довольно полное и всестороннее представление о жизни, деятельности, внешней и внутренней борьбе московских, а отчасти и всех вообще, профсоюзов во вторую половину военного периода дает отчет московского общества рабочих печатного труда, опубликованный в № 1 журнала „Голос печатного труда".

„При современном положении, — говорится в отчете, — приходится считать чуть ли не чудом всякое появление на свет рабочей организации. От тех профсоюзов, которые существовали раньше, осталось одно воспоминание; возникшие же вновь также были недолговечны[1]). Они, как блуждающие светила, то появлялись на сером небе безвременья то исчезали в бездне реакции.

„Много трудов пришлось на долю тех, которые задались целью во что бы то ни стало добиться разрешения устава общества. Наконец, желание рабочих печатников осуществилось. 25 января был зарегистрирован устав, а 28 февраля состоялось

[1]) В этом отношении чрезвычайно характерна судьба Ленинградского союза печатников: 20 июля 1914 г. Ленинградское „Общество рабочих печатного дела" было закрыто 10 мая 1916 г., после почти двухлетних хождений по канцелярским мукам был наконец, утвержден устав нового союза „Печатник"; 5 июня состоялось его учредительное собрание, а 14 июля новый союз был закрыт.

учредительное собрание, на котором было избрано временное правление".

В первый период правление было занято преимущественно организационным строительством, выработкой инструкций для уполномоченных, созданием различных комиссий и т. п. Приходилось правлению разрешать и текущие злободневные вопросы.

В марте правление столкнулось с „рабочей" группой военно-промышленного комитета, от которой оно получило приглашение принять участие в с'езде бирж труда. Правление, обсудив этот вопрос, приняло резолюцию, в которой указывалось, что „рабочая" группа не является представительницей интересов рабочего класса, что ее линия поведения противоречит насущным интересам рабочих, а поэтому правление отказывается принимать участие в совместной с ней работе.

Но и после этого пресловутая „рабочая" группа не переставала обращаться в правление с различного рода предложениями. Чтобы раз-навсегда прекратить эти обращения, правление по поводу одного из них — о фабричных старостах и примирительных камерах — приняло резкую резолюцию о самой группе и ее проектах, которые характеризуются, как вредные для интересов рабочих, и в заключение в ней заявляется, что проекты группы впредь правлением вовсе не будут рассматриваться.

Когда эта резолюция была передана на утверждение собрания уполномоченных, то она, благо-

даря интригам меньшевиков, большинством одного голоса была отвергнута. Правление тогда сложило полномочия и на 9 октября созвало общее собрание членов для избрания нового правления. Меньшевики со своим вождем Девяткиным к собранию мобилизовали все свои силы, но потерпели тем не менее полное поражение. Большинством всех голосов против 6 при 7 воздержавшихся была утверждена резолюция правления.

За отчетный период правлению пришлось руководить рядом конфликтов: в типографии Сытина, Михайлова, Сомовой, „Печатник“ и др. Все конфликты кончились в общем благоприятно для рабочих.

За истекшее время было 4 общих собрания членов. Число членов правления было увеличено до 15. Было ассигновано 200 рублей на печатный орган и 100 рублей на библиотеку. Перед днем рабочей печати правление провело кампанию сборов в пользу пролетарской прессы.

Из-за частых арестов и высылок (арестованы и высланы председатель союза Бодров, Борщевский, Морозов, Перепечко и др.) состав правления часто менялся. В бюро союза был произведен обыск, взяты документы.

Тем не менее деятельность союза развивалась. Влияние его росло. К началу ноября 1916 года он уже насчитывал до 2.000 членов.

Значительную роль в жизни профсоюзов играли профессиональные органы печати, которые время

от времени издавались отдельными союзами. Условия — политические и материальные — для существования пролетарской печати в годы империалистической войны, после всего сказанного, не трудно себе представить. Отказы в разрешении, конфискации, цензорские „плеши", аресты и высылки всех имевших малейшее отношение к изданию, до газетчиков включительно, и т. п., и т. п. И тем не менее почти во весь период войны в России выходили профессиональные органы печати. Редко, нерегулярно, изуродованные военной цензурой, иногда бледные по содержанию. Но выходили и, по мере возможности, помогали сплачивать рабочие массы, освещали перед ними вопросы текущего момента, углубляли пролетарское сознание.

Из профорганов, выходивших в России в различные периоды империалистической войны, следует отметить:

1. „Наше печатное дело"—орган ленинградских печатников, выходил с 1 ноября 1913 г. до конца 1916 года. По своему направлению журнал примыкал к ликвидаторам.

2. „Рабочий печатного дела", выходил в Риге с 26 мая 1915 года. Его страницы часто украшали цензорские „плеши".

3. „Голос печатного труда", начал выходить в Москве 15 ноября 1916 года, последний номер 1 (3) вышел 30 января 1917 года. По направлению журнал был определенно большевистским. Сотрудничали в нем, кроме печатников-

большевиков, т.т. Ольминский (фактически редактировал), В. Лосев, И. Скворцов, А. Усагин и др.

4. „Текстильщик", начал выходить в декабре 1915 г. в Ленинграде, последний номер (2—3) вышел в феврале — марте 1916 г. По своему направлению журнал был антиоборонческим.

5. „Жизнь фармацевта", выходил в Ленинграде с апреля 1914 г. Последний номер (33) вышел накануне февральской революции. Политической физиономии своей журнал не выявлял: он совершенно не печатал статей по политическим и рабочим вопросам.

6. „Служащий"—еженедельный журнал, выходил в Ленинграде в 1916 году.

7. „День торгового служащего". Н. Новгород. 1916 г.

8. „Вестник портных",—двухнедельный профессиональный журнал, выходил в Ленинграде в 1916 году.

9. „Листок булочника и кондитера", выходил в Ленинграде два раза в месяц, 15 апреля 1916 году.

10. „Жизнь Торгово-Промышленных служащих". Оренбург. 1916 г.

11. „Вестник кооперативных служащих". Москва. № 1 август, № 2 сентябрь 1916 г.

ГЛАВА IX.

На под'еме.

Непрерывное наростание движения. — Стачечная волна. — Против милитаризации труда. — Попытки возродить рабочую прессу. — Рост и углубление недовольства в армии и среди городского населения. — Буржуазно-помещичья оппозиция. — Близость начала конца.

1916 год для рабочего и революционного движения прошел под знаком непрерывного наростания, расширения и углубления. Вся окружавшая обстановка — экономическая и политическая — будила сознание, революционизировала дух, толкала на улицу.

Начался год с забастовки и демонстраций в день годовщины 9 января 1905 г. На призыв партийного комитета, вопреки всем стараниям и усилиям „военно-промышленных социалистов", дружно откликнулось до 100.000 ленинградских рабочих, которые в этот день не только бастовали, но и выступили на улицы с демонстрациями. В некоторых из рабочих районов демонстрации продолжались и 10 января.

В Москве уже с января начало усиленно развиваться стачечное движение на экономической

почве. Не проходило буквально двух-трех дней, чтобы не забастовало какое-либо предприятие, выставив ряд экономических, а также и политических требований. В январе среди других бастовали рабочие депо Москва I, волновались почтово-телеграфные служащие, в феврале бастовали рабочие т-ва шелковой мануфактуры, машино-строительного завода Михельсон, главных мастерских Александровской ж. д., в марте в трамвайных парках подготовлялась забастовка протеста по поводу предстоящего суда над бастовавшими в прошлом году трамвайщиками, в апреле бастовали на заводе Густав Лист, 2 мая (1 мая был праздник), не взирая на „предупредительные“ массовые аресты, бастовало значительное количество предприятий, вспыхивали забастовки и во все последующие дни; в течение этого месяца, кроме того, бастовали два раза рабочие мастерских Казанской ж. д. Немного спустя бастовали вторично рабочие Александровской ж. д., Уваровского трамвайного парка, к которым присоединяется Замоскворецкий парк; год завершился рядом новых забастовок — в Шаболовском парке, Сокольничьих мастерских, Прессовом снарядном заводе и др.

Почти во всех этих забастовках преобладало, конечно, требование относительно увеличения зарплаты из-за вздорожания жизни. Но на ряду с этим, в заявлениях бастующих начинают появляться и такие требования, как плата за прогул по вине фабрики, за приправку основ, вежливое обраще-

ние, сокращение ночного рабочего времени до 9 часов, признание выборных от рабочих, урегулирование скорости получки и т. п.

Бурным потоком разлилось стачечное движение по ленинградскому промышленному району. Стачечная волна началась с рабочих городских трамвайных парков, захватила служащих центральной электрической станции, оттуда перекинулась на гигантский Путиловский завод, где к забастовке примкнуло 15.000 рабочих.

На стремительный натиск рабочих капиталисты отвечали локаутами, военные власти — арестами, высылками и всякими другими репрессиями, которых в распоряжении самодержавия имелось великое множество.

Борьба обострялась. Атаки рабочих сменялись контр-атаками буржуазно-самодержавной клики. На короткое время, чтобы передохнуть, борьба затихала, дабы вскоре возобновиться с новой силой.

Новую атаку начали ново-лесснеровцы, которые забастовали 21-го марта, пред'явив ряд экономических требований. Стачка с самого начала приняла затяжной и обостренный характер. За ее течением напряженно следили весь пролетарский и капиталистический Ленинград. Капиталисты, не без содействия „социалистов" из военно-промышленного комитета, делали все возможное, чтобы сорвать забастовку, дабы другим не повадно было. И не без успеха. 2.000 рабочих очутились на улице, много было арестовано, часть попала на фронт.

После сравнительного затишья летом, с осени снова закипела борьба. 17-го октября забастовали рабочие завода Рено. Вмешалась полиция, начались столкновения. Около завода „Новый-Лесснер“ в дело вмешались и войска, но на этот раз они приняли сторону рабочих и вместе с ними прогнали полицию. Были вызваны казаки, но и они не решились выступать против солдат. Из последних в ту же ночь было арестовано 130 человек, которым угрожала военно-полевая расправа.

Через несколько дней — 26 октября — 130.000 ленинградских пролетариев, по зову партийного комитета, выступили на защиту матросов Балтийского флота, 20 человек которых в этот день предстали перед военным судом по обвинению в принадлежности к „Военной организации РСДРП“ Три дня продолжалась эта забастовка-протеста, и в наказание за нее капиталисты закрыли бастовавшие фабрики, выбросивши на улицу 130.000 человек.

Из столицы и центрального промышленного района забастовочное движение перекинулось почти во все другие районы, захлестнув всю страну. Докатилась стачечная волна и до Донбасса и других южных промышленных центров. В Донбассе бастовало 50 тысяч рабочих. Борьба была длительная и напряженная. Со стороны рабочих было много жертв, в том числе убитые и раненые.

Почти одновременно вспыхнули забастовки в Мариуполе и Луганске. Вследствие неорганиз-

зованности рабочих, все эти забастовки окончились разгромом движения. Было много арестованных, а также убитые и раненые.

Грандиозность размеров и размах стачечного движения в 1916 г. хорошо видны и из данных официальной статистики. Всего в течение года было зарегистрировано 1546 стачек с 1.067.906 участниками.

Если сопоставить число стачек и размер их за весь период империалистической войны, то нетрудно убедиться, что все время росло и увеличивалось не только число стачек, но и размер их. В 1914 году в месяц происходило в среднем по 13 стачек, в 1915—77, 1916—118. То же и в отношении среднего числа участников каждой стачки: в 1914 г. в каждой забастовке в среднем участвовало 539 чел., в 1915—584, а в 1916—763

Эти сухие цифры красноречивее всяких слов говорят о том, как непрерывно все время росло и усиливалось революционное движение, как властно оно захватывало широкие пролетарские массы, как настойчиво и непреклонно последние шли к достижению своей заветной цели — свержению царской монархии и сокрушению капитализма.

Кроме стачечного движения, революционное напряжение русского пролетариата в этот период получило довольно яркое выражение и в ряде других фактов.

Из них следует прежде всего отметить организованное сопротивление, оказанное рабочим классом попыткам капиталистов милитаризировать

труд, т.-е. превратить фабрики в казармы, рабочих в солдат, которые должны беспрекословно выполнять волю своих хозяев-командиров.

Когда эта попытка окончилась неудачей, напуганные ростом рабочего движения промышленники, при участии своих „социалистических“ друзей, начали усиленно заботиться о скорейшем проведении в жизнь старого царского закона времен Плеве об институте фабричных и заводских старост. Но и эта попытка не имела успеха. Революционный авангард пролетариата с негодованием отверг эту жалкую подачку. Вместо предложенного института старост, рабочий класс требовал „профессиональных союзов и свободы других классовых организаций пролетариата, восстановления рабочей печати и признания заводских комиссий, избранных на широких демократических началах“.

С кем в этой борьбе были широкие рабочие массы, — ясно видно было каждому. Лишнее и весьма убедительное доказательство этому дали и выборы в страховой совет, состоявшиеся 31 января. Это было в период полного расцвета „военно-промышленного социализма“. Массы еще не успели достаточно уяснить себе позорную роль, которую фактически выполняли „рабочие“ группы. Впереди было много разнообразных и заманчивых обещаний с их стороны, которые „вот-вот начнут осуществляться“. И тем не менее, даже при этих условиях, победа на выборах осталась за большевиками. Прошел целиком предложенный ими

список кандидатов, а ликвидаторы не провели в страховой совет ни одного своего представителя.

Среди факторов, способствовавших росту сознания, укреплению духа и сплочению рядов рабочего класса в годы войны, далеко не последнее место следует отвести пролетарской прессе, живому революционному печатному слову, которое время от времени громко звучало в пролетарских кварталах, а иногда достигало и солдатских казарм.

Подпольная революционная литература — листки, воззвания, небольшие периодические издания — почти непрерывно издавалась различными партийными организациями. Для спайки передовых шеренг бойцов, для руководства организованным авангардом пролетариата — эти издания были незаменимы, и свою сложную и ответственную задачу они безусловно выполнили блестяще.

Но темп, с которым движение развивалось и росло вглубь и вширь, уже на второй год войны поставил с необычайной остротой вопрос о необходимости какой угодно ценой возродить и легальную рабочую печать.

Осознав насущность новой задачи, пролетариат, в лице партии, напряг максимальные усилия, и поставленная задача была выполнена. И в черную годину войны время от времени появлялись рабочие независимые газеты и журналы.

Пусть легальные пролетарские издания этого периода (саратовская „Наша газета“, московский „Голос печатного труда“ и др.) были недолговечны,

пусть их кромсала и уродовала царская цензура, —свою роль „коллективного агитатора, пропагандиста и организатора“ они безусловно выполняли с успехом. Недаром ведь царское правительство так бешено преследовало их, арестовывало и ссылало всех имевших к ним малейшее отношение, конфисковывало и закрывало их часто еще до выхода в свет (бакинское „Наше эхо“).

Рабочий класс свою волю к окончательному свержению царизма выявлял достаточно решительно. Но он был фактически почти одинок в своей борьбе.

Наиболее молодая и активная часть крестьянства — естественный союзник рабочего класса в борьбе с царизмом — была терроризована палочной казарменной дисциплиной. Городская беднота, мещанство и мелкая буржуазия, на которых империалистическая война и бездарное хозяйствование царского правительства также обрушились непосильным бременем, глухо волновались, иногда давали выход накопившемуся недовольству, в виде стихийных бунтов и погромов. Но и только. От сознания, что единственным выходом из положения является свержение монархии и коренное изменение всего социального уклада жизни, они были еще весьма и весьма далеки. О крупной буржуазии и говорить не приходится. Ее недовольство дальше отдельных „лиц“ не шло.

Так было, примерно, в первые полтора-два года войны. К началу же второй половины 1916 г.

положение резко изменилось. Недовольство затянувшейся бойней и вызванной ею разрухой все более и более углублялось и обострялось, проникая и в солдатский окоп, и в тыловую казарму, и в продовольственную очередь, и на базары. В „политику“ были втянуты самые широкие массы городского населения и армии. Авторитет власти — всех рангов и чинов — совершенно пал. Начала падать и дисциплина в войсках. „Единственный выход“, как тогда полуконспиративно именовали революцию, стал действительно единственным выходом в глазах подавляющего большинства населения.

Дискредитированию царской монархии и расшатанию ее устоев, помимо, может быть, собственной воли, не мало способствовала и буржуазия и даже часть черносотенного дворянства и высших сановников. Первые своей „парламентской“ и внедумской словесной борьбой против правительства, остальные — своими интригами против „двора“ и министров, убийством Распутина и т. п. — настолько раскрыли зловонный гнойник царского самодержавия, что от него, как от зачумленного, начали отшатываться, кто только мог.

Ряды защитников царизма редели. Вокруг него образовалась пустота. Число же врагов его росло и увеличивалось изо дня в день. Ряды их сплачивались и крепли. Готовился решительный бой. Наступало начало конца.

ГЛАВА X.

Начало конца.

Углубление революционной борьбы. — Грандиозное выступление 9-го января. — „Полевение“ оборонцев. — Арест „рабочей группы“. — Призыв к выступлению в день открытия государственной думы. — Контр-агитация партийного подполья. — Приготовления царского правительства к подавлению восстания. — Провокация Милюкова. — Стачка и демонстрация 12—14 февраля. — Наростание революционного движения в провинции.

Царизм трещал по всем швам. Близкий конец его уже был виден простым, невооруженным глазом. Надвигался бурный шквал революции.

Продовольственный кризис обострялся. Все меры царского правительства ослабить его, все обращения и призывы к патриотизму крестьян, не давали практических результатов. Подвоз хлеба в столицу все более и более сокращался. Росли хвосты у продовольственных лавок и булочных, росло в хвостах недовольство, принимавшее часто весьма бурные формы стихийных „голодных бунтов“.

Подгнившие устои царизма все более и более расшатывались. Спекуляция, мародерство и бесшабашное хищничество в тылу и на фронте приняли грандиозные размеры. Следовавшие одно за другим скандальные разоблачения вскрывали та-

кие гнойники царизма, которые приводили в ужас и смятение даже его вчерашних преданнейших слуг и сторонников.

Трон падал. Охотников поддержать его в трудную минуту становилось все меньше и меньше. Как крысы с тонущего корабля, панически бежали от него, кто мог.

Приближался девятый вал революции. Рокот надвигающейся революционной войны уж явственно был слышен. Пришибленный обыватель насторожился. Он желал и ждал революции, но боялся. Не был уверен в ее исходе. Не знал, чья возьмет. Буржуазная и либеральная интеллигенция, боровшаяся во имя „обороны отечества“ с обанкротившимся правительством, по мере приближения революционного шквала, готова была пойти на соглашение, лишь бы не победила революция.

„Лучше поражение, чем революция“ — заявила буржуазная оппозиция устами кадетского лидера Милюкова.

Но уже было поздно. Устои царской монархии уже так расшатались, что падение ее было неминуемо и никакими силами ее уже нельзя было удержать.

Революционная стихия поднималась все выше и выше. Авангард рабочего класса производил последний смотр своим рядам, собирался с силами, готовясь к решительному удару, который должен был окончательно сокрушить царско-помещичью власть.

В руководящих кругах подпольных партийных организаций близость падения царизма почти не вызывала никаких сомнений. Трудно было, конечно, определить момент решительного боя, нельзя было с уверенностью установить, в каком из двух пролетарских центров – Ленинграде или Москве— произойдет последняя схватка с царизмом. Но что решительный момент приближается и что к нему необходимо энергично и усиленно готовиться— это было ясно для всех.

Правильная оценка момента и правильный трезвый учет борющихся сил дали возможность боевому штабу революции — Бюро ЦК большевиков во-время изменить форму и характер движения. Еще в конце 1916 года бюро ЦК предложило местным организациям сконцентрировать движение, стремиться от отдельных, случайных и разрозненных стачек перейти, по возможности, к организованным массовым уличным выступлениям, которые должны вовлечь в борьбу широкие массы городской бедноты, а с течением времени и начавшую уже разлагаться армию.

Предложение бюро ЦК было принято не только партийными организациями, но и широкими рабочими собраниями, на которых было решено ближайшее выступление — годовщину 9 января 1905 г. — попытаться провести согласно этому предложению.

Партийное подполье начало усиленно готовиться к январскому выступлению. Но не дремала и

охранка. Незадолго до января она захватила нелегальную типографию, арестовала товарищей, печатавших в захваченной легальной типографии четвертый номер подпольного журнала „Пролетарский Голос“.

Ленинградскому комитету, вследствие этого, не удалось выпустить воззвание к 9 январю. Пришлось довольствоваться листками, выпущенными до этого выборгским и латышским районными комитетами. Листки эти были изданы в ограниченном количестве экземпляров, а последний к тому же на латышском языке. И тем не менее, выступление 9 января по своим размерам и ярко революционному характеру превзошло все ожидания даже наиболее оптимистически настроенных товарищей.

Вот некоторые извлечения из информационного письма ленинградского комитета и его „Информационного Листка“, подробно описывающих этот день в двух главных центрах пролетарского движения.

„...Этот день (9 января) показатель громадного роста революционной сознательности и активности ленинградского пролетариата за истекший год... 9-январская стачка превзошла по своим размерам не только прошлогоднюю в этот день, но и все вообще стачечные выступления за год войны... Уже 5 января на некоторых заводах Выборгской стороны были собраны митинги, а 7 января митинги были на всех крупных заводах этого райо-

на, на ряде заводов Московской заставы и Петроградской стороны. Всюду выступали наши товарищи, призывавшие к однодневной стачке.

„Блестящий успех забастовки превзошел все самые смелые ожидания.

„На Выборгской стороне на заводах были митинги. С митингов рабочие выходили с пением революционных песен, а кое-где и с красными флагами. Бастовали даже отсталые мануфактуры и мелкие заводы. В первый раз с 1905 года, несмотря на казарменный режим, бастовал ленинградский арсенал.

„За Невской заставой впервые после 1905 года бастовал Обуховский завод с его 14.000 рабочих. При чем забастовка была проведена дружно и с большим под'емом.

„На Путиловском заводе, где полицейские внутризаводские порядки не дают возможности созыва большого общезаводского митинга, отдельные мастерские с утра, не приступая к работе, устроили собрание и пошли снимать остальных; часов в 10 утра стоял весь „старый завод", а с обеда и верфь. Всего бастовало около 30.000 человек.

„С Путиловского завода стачка перекинулась на завод Тильманса. Хорошо прошла стачка за Московской заставой, где стояли: Сименс-Шуккерт, Речкин, Кошель, Динамо, Зигель и др. Рабочими Сименса-Шуккерта была устроена демонстрация с красными флагами, при чем на улице выступил оратор. Демонстрация была разогнана полицией.

„На Петроградской стороне бастовало 7—8 предприятий. На Васильевском острове — 10.000 человек. Кроме того, к выступлению примкнул целый ряд типографий, так что 9 (10-го) не вышли газеты „Речь“, „День“, „Современное слово“ и др.

„В общем, на основании этих неполных сведений, число бастовавших можно определить в 160—170 тысяч, иные определяют в 200 тысяч и более [1]).

„Успешное проведение выступления 9 января очень подняло дух масс. Настроение на заводах очень бодрое, политически сознательное и открывает широкие революционные возможности“.

Не менее удачно прошло 9-январское выступление и в Москве.

„...О забастовке 9 января говорили на фабриках и заводах уже за несколько дней. 9 января с утра, после собраний по заводам, бросили работу заводы Бромлей, Добров-Набгольц, Износков-Зуккау, Михельсон, Динамо, Бари, Густав Лист, Хишина, Циндель и др. Бастовали портные и много мелких предприятий. Всего с утра не работало приблизительно 20 процентов рабочих. После обеда число бастующих поднялось до 30 процентов. К часу дня на Тверской бульвар, по приглашению московского комитета, собралось две-три тысячи рабочих. Собранная заранее полиция

[1]) По подсчету тов. А. Шляпникова 9 января 1917 г. в Ленинграде бастовало около 300 тысяч человек.

сделала демонстрацию невозможной. Начались аресты, при попытке запеть. Появилась конная милиция. Товарищи направились небольшими группами на Театральную площадь. В начале третьего часа на Театральной площади собралась толпа рабочих с небольшим количеством студентов. Запели „Отречемся от старого мира“ и с красным знаменем, на котором было написано „Долой войну“, „Да здравствует российская социал-демократическая рабочая партия“ прошли от Неглинной улицы до Охотного ряда и обратно. Толпа возросла до тысячи человек. Движение трамваем приостановилось. Толпы наблюдающих увеличивались. Слышались сочувствующие возгласы со стороны находившихся в публике нижних чинов, были и враждебные возгласы. Около гостиницы „Метрополь“ дорогу преградили полицейские офицеры, и навстречу толпе бросились два прапорщика с обнаженными шашками. Полицейские тотчас также обнажили шашки и били ими плашмя. Появились в то же время конные наряды сзади и с боков. Толпа, согласно ранее данным организацией указаниям, рассеялась. Несколько человек было арестовано. Несколько ранее, состоялась демонстрация с пением и красным знаменем на Елоховской улице. Были аресты. Было несколько демонстраций на окраинах: на Балагуше, в Рыкуновом переулке, за Пресней, а также у Красных ворот, на Лубянской площади“.

День 9-го января был также отмечен и в некоторых из наиболее крупных провинциальных центров: Харькове, Баку, Нижнем Новгороде и других.

Таким образом, если рассматривать выступление 9 января, как начало открытой массовой политической борьбы, как первую пробу сил, то, принимая во внимание условия времени, его можно признать вполне удавшимся. Такого дружного выступления, такого революционного под'ема, как 9 января 1917 года, до того не было за весь период войны.

После январского выступления приближение конца царской монархии начали ясно сознавать и все оборонческие группы до военно-промышленных „социалистов“ включительно.

Вплоть до начала 1917 года они просто плелись в хвосте думского „прогрессивного блока“, повторяя за ним все его жалкие призывы к „спасению родины“, стремясь внести раскол и понося вместе с империалистической буржуазией революционные выступления пролетарского авангарда, как провокационные, вызываемые немецкими шпионами и т. п.

После же 9 января, когда оборонцы убедились, что назревающего революционного взрыва никакими силами не предотвратить, они переменили фронт, повернув, по крайней мере на словах, резко влево.

В своих обращениях и воззваниях к рабочим они теперь уже больше не призывали к участию

в организации обороны и защите родины во имя победы над прусским милитаризмом — уже слишком непопулярны стали эти пресловутые лозунги даже среди самых отсталых слоев рабочего класса. Не призывали они теперь рабочих и к прекращению классовой борьбы и к безоговорочной поддержке помещичье-буржуазного „прогрессивного блока“.

Учитывая нарастающий среди рабочих масс под'ем, оборонцы не скупились на революционные фразы, которыми они обильно уснащали свои обращения. С удовлетворением они констатировали „пробуждение активности рабочих масс“, советовали ее „направить в сторону энергичного воздействия на политическую жизнь страны“, пророчествуя, что „проявления рабочей активности, имевшие пока своим завершением забастовку в день 9 января, этим отнюдь не закончатся“ и т. д., и т. д.

Такова внешняя показная сторона „новой тактики“ военно-промышленных „социалистов“, к которой они вынуждены были прибегнуть, в силу обострившейся революционной борьбы рабочего класса.

По существу, однако, тактика оборонцев осталась, конечно, неизменной. Фактически они остались верны своим старым антиреволюционным лозунгам и к этому же призывали рабочий класс.

Практически последнее воззвание оборонцев предлагало рабочим усилить свою борьбу за . . .

поддержку государственной думы, устраивать по заводам митинги, выносить в этом духе резолюции и направлять их в думу.

Не ограничиваясь воззваниями и обращениями, оборонцы из военно-промышленного комитета, вместе со своими сторонниками вне его, начали вести агитацию среди рабочих за выступление в день предстоящего открытия государственной думы. Официально ими говорилось о необходимости „требовать от думы отказа от половинчатой политики и немедленного выступления на путь решительной борьбы с властью". Фактически же выступление рабочих на поддержку думы должно было отвлечь последних от подлинной революционной борьбы, которую они вели, ослабить силу революционного напора и облегчить буржуазно-помещичьему блоку войти в полюбовную сделку с агонирующим самодержавием.

Большого успеха эта агитация, не взирая на широкое использование оборонцами легальной печати, как увидим, не имела и иметь не могла. Рабочим слишком хорошо была известна истинная физиономия партий, входивших в „прогрессивный блок", чтобы они серьезно могли поддаться на агитацию и призывы впрягшихся в либерально-оборонческую колесницу „социалистов".

Однако, реагировать на эту агитацию было необходимо. Нужно было раз'яснить широким пролетарским массам смысл новой кампании оборонцев, вскрыть причины их „полевения", раскрыть

истинные цели, которые преследуют „прогрессивный блок“ и его „друзья слева“, а также резко и решительно отмежеваться от всего этого либерально-буржуазного движения.

С этой целью руководящими центрами подпольных партийных организаций была предпринята энергичная кампания против оборонческой агитации о поддержке государственной думы, посылке ей резолюции и хождения к ней в день открытия.

Вместо этой либерально-оборонческой агитации, фактически направленной к ослаблению революционной борьбы, большевистские агитаторы предлагали рабочим усилить натиск против самодержавия, путем уличных демонстраций, но не у думы, а на Невском и у Казанского собора — этих традиционных центрах революционных выступлений ленинградского пролетариата.

Агитация велась с обеих сторон. Широким пролетарским массам предстояло избрать одну из этих по существу противоположных тактик политической борьбы. Здоровый классовый инстинкт помог пролетарской массе избрать единственный правильный путь — путь, предложенный революционным подпольем.

В процессе этой борьбы оборонцы вынуждены были все больше и больше „леветь“. Переливавшийся через край революционный под'ем масс заставил „рабочую“ группу военно-промышленного комитета усилить революционную фразеологию,

подпустить больше „огня“ в своей агитации. Иначе рассчитывать на успех у рабочих нельзя было.

В своем воззвании, выпущенном в начале второй половины января, „рабочая“ группа заговорила совершенно несвойственным оборонцам языком.

„Режим самовластия душит страну. Политика самодержавия увеличивает и без того тяжкие бедствия войны, которые обрушиваются всей тяжестью на неимущие классы... Пользуясь военным временем, оно закрепощает рабочий класс, приковывая рабочих к заводу, превращая их в заводских крепостных.“

Впервые оборонцы в этом воззвании признают, что „утомленная страна жаждет ликвидации войны“ и что последняя не выведет народ из бедственного положения, если „ликвидировать войну будет не сам народ, а теперешняя самодержавная власть.“

„Рабочему классу и демократии — продолжает воззвание — нельзя больше ждать. Каждый пропущенный день опасен. Решительное устранение самодержавного режима и полная демократизация страны являются теперь задачей, требующей неотложного разрешения.“

В этом воззвании „рабочая группа“ уже не призывает рабочих к слепой поддержке думского „прогрессивного блока“, а предлагает использовать столкновение последнего с правительством

„в интересах решительного удара по самодержавию".

Конкретно воззвание предлагает рабочим „к моменту открытия думы быть готовыми и на общее организованное выступление".

„Пусть весь рабочий Петроград к открытию думы, завод за заводом, район за районом, дружно двинется к Таврическому дворцу, чтобы там заявить основные требования рабочего класса и демократии."

Увлечь рабочие массы этими крикливыми революционными фразами „рабочей" группе не удалось. Ее кредит в пролетарских кварталах к этому времени уже был совершенно подорван всей ее предшествовавшей патриотической деятельностью. Но терявшее почву под ногами самодержавие это воззвание „рабочей группы" серьезно напугало, и 26 января последняя почти в полном составе была арестована.

В рабочих кругах арест оборонцев особого впечатления не произвел. Но зато всполошились либерально-буржуазные общественные круги, а в особенности — деятели военно-промышленного комитета.

Через три дня после ареста — 29 января — состоялось специальное заседание центрального военно-промышленного комитета с участием представителей думского „прогрессивного блока".

Крупные капиталисты, руководившие военно-промышленным комитетом, все как один стали на

защиту „рабочей“ группы, солидаризируясь с ее политикой. Даже старый царский зубр, член государственного совета Гурко, присутствовавший на этом заседании, заявил, что „было бы странно, если бы рабочие организации в такое время остались бы в стороне от политической борьбы“. Один только лидер кадетов Милюков остался при особом мнении, находя, что политикой может заниматься только государственная дума, но отнюдь не такие организации, как военно-промышленные комитеты, а тем паче их рабочие группы.

30 января правительство опубликовало официальное сообщение по поводу ареста „рабочей“ группы, обвинявшее последнюю в подготовке революционных выступлений. Центральный военно-промышленный комитет выступил с пространным ответом на правительственное сообщение, в котором шаг за шагом опревергались все обвинения, возведенные на „рабочую“ группу. Этот ответ капиталистов давал в общем довольно правильную, но убийственную, с революционной точки зрения, оценку деятельности оборонцев. „Члены рабочей группы, — гласит этот ответ, — стояли за сотрудничество с буржуазией, их деятельность была далека от методов борьбы, обычно применяемых революционными партиями, они содействовали предупреждению стачечного движения, решительно боролись против всяких эксцессов, на которые подчас толкали рабочую массу некоторые элементы“ и т. д.

При таких огромных заслугах „военно-промышленных социалистов“ неудивительно, что аресту их был посвящен ряд статей в либерально-буржуазной прессе и по поводу него был даже запрос в государственной думе.

Арест „рабочей“ группы нанес сильный удар оборонцам, для которых последняя была легальным руководящим центром, и заметно ослабил их влияние на рабочих. Однако, компания оставшихся на свободе членов группы и ее единомышленников за выступление в день открытия думы не прекратилась. Напротив, по мере приближения дня, на который последнее было назначено, оборонцы усиливали свою агитацию за выступление и манифестацию около Таврического дворца.

Бюро центрального комитета большевиков, резко отмежевываясь от оборонцев, решило самостоятельно призвать рабочих к выступлению под революционными лозунгами. Ленинградский и Московский комитеты партии присоединились к этому решению.

Чтобы совершенно отмежеваться от оборонцев, Ленинградский комитет призывал рабочих к стачке не на 14 февраля — день открытия думы, — а на 10-е, т.-е. на день второй годовщины суда над рабочими депутатами. Но при этом им было упущено из виду, что с 9-го февраля заводы по случаю масленницы прекращали работу. И поэтому пришлось переменить день выступления с 10-го февраля на 13—14-е.

Против хождения к думе довольно решительно выступили и так называемый „международный комитет РСДРП“ и даже меньшевистская „Инициативная группа“.

Первый свое воззвание, выпущенное по этому поводу, заканчивал так:

„Ленинградский Международный комитет призывает вас, товарищи рабочие, не поддаваться на удочку слуг буржуазии, зовущих вас 14 февраля к стачке и демонстрации перед государственной думой, а одновременно протестовать против суда над социал-демократическими депутатами, показать всему миру свою солидарность с томящимися в Сибири рабочими представителями, зовет вас организовать митинги протеста, сборы в фонд нелегальной печати и в пользу депутатов.“

Даже меньшевистская „Инициативная группа“ и та в особом листке высказалась отрицательно по поводу агитации оборонцев за хождение 14-го февраля к думе.

„Дума, — говорится в этом листке, — не останавливается перед клеветой и ложью, лишь бы втоптать в грязь действительную борьбу рабочих за народные интересы. Нашу славную борьбу против войны и против военного суда над нашими товарищами — матросами, наше массовое выступление в октябре прошлого года, когда пришло в движение до 130 тысяч рабочих Ленинграда, государственная дума, вместе с буржуазными организациями и „рабочей“ группой военно-про-

мышленного комитета, назвала делом рук провокации и призывала правительство к самой решительной борьбе с нами."

Воззвание Ленинградского комитета большевиков ясно и четко вскрыло перед рабочим классом истинную подоплеку затеянной оборонцами кампании, дало надлежащую оценку всей деятельности государственной думы и ее политики в отношении рабочего класса и призывало рабочие массы к стачке и демонстрациям под революционными лозунгами.

„Двухлетняя бойня, ведущаяся в угоду сильных мира, — говорилось в этом воззвании, — вывела из круга жизни во всех воюющих странах до 15 миллионов человек. Какое неслыханное преступление... Великий и трудный долг лежит на нас, рабочем авангарде порабощенной демократии, льющей свою кровь за чуждое ей дело, — остановить это преступление."

„Два года молчит государственная дума о попрании ее прав. Она молчит и в день двухлетней годовщины изгнания наших депутатов. Но зато она кричит и ее маклера хлопочут, чтобы холопские речи „товарищеских" депутатов нашли сочувственный отклик в обезглавленном ими рабочем классе. И находятся некоторые, ослепленные военным ураганом, шовинистически настроенные группы, которые несут вожделения думских либералов в рабочую среду. Теперь, ко дню предполагаемого созыва государственной думы 14 фев-

раля, в рабочей среде ходят самые прихотливые слухи о намерениях государственной думы... Ничего нового государственная дума делать не собирается, но еще раз не прочь думские либералы помахать кулаками за спиной поднявших голову рабочих."

Лозунги, под которыми рабочие массы призываются на улицу, листок формулирует так:

„Все наши усилия против войны."

„Мы против царской монархии, которую вы (либеральная буржуазия) так любите, ибо она своим скипетром прикрывает ваши аппетиты, ваши темные дела."

„Мы против царского правительства."

„Мы — за демократическую республику, дающую власть в руки самого народа."

„Мы — за временное революционное правительство рабочей и крестьянской бедноты."

„Мы—за международную солидарность рабочих, несущую людям мир и счастье."

Рабочие готовились к выступлению. Сильное возбуждение царило и в так называемом „обществе", которое также чего-то ждало от ближайших дней.

„Тревожное" настроение было, разумеется, известно и правительству, и оно, с своей стороны, также начало принимать меры к „недопущению нарушения общественной тишины и порядка".

В ночь с 9-го на 10-е февраля было расклеено воззвание генерала Хабалова, в котором он, аппелируя к патриотическим чувствам рабочих, при-

зывал их не слушать „преступных подстрекателей, зовущих к измене". Заканчивалось воззвание недвусмысленной угрозой, что „всякая попытка насилия и сопротивления законной власти будет немедленно прекращена силой оружия".

Угроза Хабалова не была пустой. В это время царское правительство уже усиленно готовилось к обороне своих последних твердынь, военспецами вырабатывались подробные планы подавления ожидавшегося восстания, к городу стягивались более надежные воинские части — казаки, кавказская „дикая дивизия" и проч.

Достойно отметить исключительно подлое поведение в эти дни кадетского лидера Милюкова.

Почти одновременно с хабаловским воззванием в кадетской газете „Речь" появилось письмо Милюкова, полное грубой лжи и гнусных инсинуаций по адресу рабочих и их борьбы с самодержавием.

В этом письме кадетский иудушка с невинным видом сообщает о якобы дошедших до него слухах, что на фабриках и заводах кто-то от его имени будто бы призывает рабочих выступить 14-го февраля, и будто бы какие-то люди, именующие себя членами государственной думы, раздают рабочим оружие:

... „Дурные и опасные советы, распространяемые в их (рабочей) среде, — клеветнически намекает Мюлюков, — очевидно, исходят из самого темного источника. Последовать этим советам —

значит, играть на руку врагу. Поэтому я обращаюсь с убедительной просьбой... не принимать участия в демонстрациях 14-го февраля и остаться в этот день спокойными...“

Авторитет Милюкова в рабочих кругах был не больше авторитета генерала Хабалова, и воззвания обоих имели одинаковый успех.

Но гнусное выступление Милюкова, одного из виднейших лидеров думского „прогрессивного блока“, следовало достойно заклеймит. И „Осведомительный листок“ бюро Ц.К. партии во втором номере посвятил ему передовую статью, в которой провокация Милюкова получила надлежащую оценку.

Наступил день 14-го февраля. Как и следовало ожидать, на поддержку третьеиюньской думы Ленинградский пролетариат не спешил. Как потом передавали, за весь день к Таврическому дворцу пыталась подойти одна группа манифестантов в 500 человек, но и она была разогнана полицией. 500 человек из бастовавших в этот день 80.000 рабочих.

По данным упомянутого „Осведомительного Листка“ размеры и общий характер выступлений рабочих в этот день рисуются в таком виде:

Ленинград. Бастовали Обуховский завод, Гарнтон, Атлас и др. На Обуховском было два митинга. В Выборгском районе бастовали до двух десятков заводов. Рабочие Нового Лесснера вышли с пением на улицу. При появлении полиции оста-

лось около 200 человек, которые с криком „хлеба“, „долой войну“ продолжали итти через Сампсоньевский мост, несмотря на нагайки. С пением также вышли рабочие заводов „Промет“ и „Ст. Парвиайнен“. В Московском и Нарвском районах была демонстрация у завода „Скороход“. Путиловцы вышли на улицу с красными флагами. Была стычка с полицией. Арестованы двое. В Васильеостровском районе бастовали на кабельном заводе, у Рейхеля и др. Присоединились к движению и студенты. 13-го в политехническом институте состоялся пятитысячный митинг, который принял большевистскую резолюцию и постановил об'явить трехдневную забастовку. Бастовали и лесной институт, бебутовские курсы, психоневрологический институт, медицинский, университет. В последнем сходка раскололась. Часть студентов высказалась за демонстрацию у Таврического дворца, часть — на Невском.

Москва. Накануне выступления были произведены аресты. 13 и 14 февраля бастовали заводы Динамо и Бари, мастерские военного снаряжения в Сокольниках и мелкие предприятия. 14-го усиленные наряды полиции разгоняли скопившиеся на улицах толпы. Был обыск с арестами в помещении столовой коммерческого института.

Либералы и „демократы“ из государственной думы были чрезвычайно обезкуражены равнодушием, которое рабочие массы проявили к их „борьбе“ с правительством. Наиболее горячие из них, вроде

пресловутого Керенского, во всем обвиняли большевиков, которые-де раскололи движение. Но последним было не до думских либералов и демократов. Приближался момент последнего и решительного боя с царским самодержавием.

Связи с провинцией, вследствие невероятно тяжелых полицейских условий, были чрезвычайно слабы. Но все же было известно, что революционное настроение наростает и там, что на почве обостряющегося продовольственного кризиса, недовольства широких масс империалистической бойней, полицейскими гонениями и общего ухудшения положения рабочих, и там вспыхивают экономические забастовки, которые часто стихийно превращаются в политические.

Некоторое представление о размерах движения и районах, охваченных ими, дают официальные данные об этом департамента полиции, опубликованные в № 6—7 „Архива истории труда в России".

Согласно этим данным, в декабре 1916 г. бастовало 46 предприятий с 44.761 рабочими, в январе же 1917 года количество бастовавших предприятий увеличилось до 267, а количество рабочих до 232.025. То-есть количество бастовавших предприятий в январе 1917 года, по сравнению с предыдущим месяцем, увеличилось в 6 раз, а количество бастовавших рабочих—больше, чем в пять раз.

Забастовочным движением были охвачены: бакинский район (22.293 бастовавших рабочих), Вла-

димирская губерния (47.657), Московская — (51.393), Ленинградская — (85.990), Харьковская — (10.289), Эстляндская — (5575), Донская — (4436). Были забастовки и в Нижнем-Новгороде, Саратове, Туле, Воронеже, Иркутске и др.

Упадок духа, уныние и подавленность настроений масс, которые в провинции, в связи с общей разрухой и усилившимся гнетом военного времени, были особенно сильны, в начале 1917 года заметно начали ослабевать. Боевое революционное настроение росло и в провинции.

ГЛАВА XI.

Падение царской монархии.

Локаут путиловцев. — Работница на революционном посту. — Демонстрации и массовые столкновения с полицией 23 февраля. — На следующий день. — Борьба за переправы в центр. — Уличные митинги. — Эпизод с казацким раз'ездом. — Лозунги бюро ЦК партии. — „Фараоны" с пулеметами на крышах. — Рабочие требуют оружия. — Последние аресты. — Расстрел демонстрантов. — Павловский, Литовский и Преображенский полки на стороне революционеров. — Штурм царских тюрем и освобождение политических заключенных. — Роспуск государственной думы и образование „Временного комитета". — Первое заседание Совета Рабочих Депутатов. — Падение последних твердынь царизма. — Конец первого этапа пролетарской борьбы, очистившего путь к Красному Октябрю.

Февральская революция, завершившаяся окончательным свержением царского самодержавия, ближайшим своим поводом имела сравнительно незначительное для этого напряженного времени столкновение рабочих Путиловского завода с своей администрацией.

18 февраля забастовала одна из мастерских этого завода, требуя возвращения на работу уволенной группы товарищей. На состоявшихся цеховых собраниях была избрана особая делегация для пред'явления администрации указанного требования. Администрация отвергла требование рабочих.

21 февраля состоялся общезаводский митинг, который постановил настаивать на возвращении уволенных рабочих. Кроме того, рабочие Путиловской верфи пред'явили требование об увеличении заработной платы. Администрация завода на все эти требования ответила общим локаутом.

Закрытие крупнейшего в городе завода, естественно, вызвало сильнейшее возмущение среди ленинградских рабочих. Возбуждение усиливалось обострением продовольственного кризиса — в эти дни во многих районах столицы не хватало хлеба. А тут приближался „женский день", к которому подпольные партийные организации энергично готовились.

Об'ективные условия вполне благоприятствовали революционному взрыву. Горючего материала для этого было более, чем достаточно.

„Женский день", назначенный на 23 февраля, начался с митингов и собраний на предприятиях, где преобладал женский труд. Митинги проходили с необычайным под'емом. Повсюду принимались заранее выдвинутые организацией лозунги. Митинги постепенно превращались в забастовки, а последние в демонстрации, которые направлялись на Невский. Полиция, которая все это время была на ногах, ожидая ежедневно и ежечасно выступления рабочих, была сосредоточена у всех мостов и переходов, ведущих из окраин в центр города. Но все полицейские меры не могли оградить центр от нашествия масс. Были стычки с полицией, были

аресты, но были и толпы рабочих и работниц на Невском.

Общую картину движения 23 февраля, который справедливо считается первым днем февральской революции, более или менее полно воспроизводят полицейские сводки, из которых приводим вступительную часть, дающую общую характеристику событий.

„23 февраля с утра,— повествует полицейская сводка,— явившиеся на заводы и фабрики рабочие Выборгского района постепенно стали прекращать работы и толпами выходить на улицы, выражая протест и недовольство по поводу недостатка хлеба... Движение рабочих масс в большинстве носило настолько демонстративный характер, что их приходилось рассеивать нарядами полиции.

„Вскоре весть о забастовке разнеслась по предприятиям других районов, мастеровые которых тоже стали присоединяться к бастующим. Рабочие Выборгского района, около часу дня, выходя толпами на улицы с криками „дайте хлеба", стали одновременно производить в разных местах беспорядки, снимая с работ работавших товарищей и останавливая движение трамваев.

„...Забастовщики, энергично разгоняемые нарядами полиции, рассеиваемые в одном месте, вскоре собирались в других, проявляя в этом особое упорство. Попытки рабочих Выборгского района перейти толпами в центральную часть города предупреждались в течение всего дня нарядами полиции,

охранявшими мосты и набережные, но к четырем часам дня часть рабочих все-таки перешла по одиночке через мосты и по льду реки Невы на большом ее протяжении и достигла набережной левого берега, где рабочим удалось сгруппироваться в боковых, прилегающих к набережной улицах, и затем почти одновременно снять с работы рабочих некоторых заводов и, далее, произвести демонстрации на Литейном и Суворовском проспектах, где рабочие вскоре были разогнаны. Чины полиции, при рассеивании скопищ рабочих, подвергались нападениям и насилиям со стороны демонстрантов."

Около двух часов дня охрана порядка и спокойствия в столице была принята военными властями. В течение дня были прекращены работы, по сведениям участковой полиции, в 50 фабрично-заводских предприятиях, где забастовали 87,534 рабочих.

24 февраля движение получило дальнейшее развитие. С утра на фабриках и заводах состоялись митинги, на которых впервые был выдвинут лозунг „братание с солдатами", принятый рабочими с великим энтузиазмом.

Получившая широкое распространение весть о локауте на Путиловском заводе вовлекла в движение огромное количество рабочих, которые накануне не бастовали.

Полицейский террор в этот день еще более усилился. Полицейские и воинские заставы у мо-

стов были удвоены. Но тщетно. Рабочие с редкой настойчивостью, не останавливаясь перед жертвами стремились в центр, и перед их натиском не могли устоять и удвоенные цепи. К вечеру на Невском можно было видеть только рабочих да полицию с казаками. „Чистая“ же публика, в страхе перед надвигающейся грозой, исчезла и попряталась по квартирам. Закрылись и гастрономические магазины, обслуживающие эту публику.

Одиночные полицейские посты с этого дня исчезли с петербургских улиц. Полицейские либо появлялись в сопровождении воинских патрулей, либо группами, и то вооруженные винтовками.

Рабочие приостановили трамвайное движение. Работать под охраной полицейских, как настойчиво предлагали власти, рабочие и служащие трамвая категорически отказались.

Обычное шумное уличное движение с каждым часом все более и более сокращалось. Исчезли трамвайные вагоны, возвращались домой извозчики, не стало слышно автомобилей. Зато то там, то здесь, посреди улицы образовывались летучие митинги, которые обыкновенно разгонялись полицией.

„Во время одного такого уличного митинга, — рассказывает тов. Шляпников в своей книге „Семнадцатый год“, — имел место следующий эпизод, который сильно поднял настроение и приободрил рабочих.

„Недалеко от Литейного проспекта образовался летучий митинг. Над толпой появился оратор,

который призывал к борьбе с самодержавием. В середине речи к толпе стал приближаться казачий патруль. Оратор прервал речь. Толпа насторожилась. Инстинктивно все придавали этой встрече восставших рабочих с казаками большое значение. Патруль тихим шагом, рассыпным строем, прошел мимо толпы.

„Этот сам по себе незначительный эпизод показал рабочим, что и в армии наростает глубокое недовольство самодержавием, что при умелом подходе к солдатской массе, она безусловно присоединится к восстанию.

„Конец своей речи оратор посвятил вопросу о вовлечении армии в революционную борьбу."

Почти во всех районах столицы в этот день имели место многочисленные столкновения демонстрантов с полицией, при чем у рабочих были раненые холодным оружием, а среди полицейских ушибленные камнями, льдом и т. п.

По данным полицейских сводок, в этот день бастовало 197,000 рабочих, при чем к движению начали присоединяться рабочие окрестных фабрик и близлежащих городов.

25-го февраля движение охватило весь Ленинградский пролетариат. Стачка была всеобщей.

Партийный центр напрягал все усилия, чтобы овладеть быстро развивающимся движением и придать ему организованный характер.

С другой стороны, необходимо было принять все меры к тому, чтобы революционные

усилия ленинградских рабочих нашли надлежащий отклик во всей стране и, в первую очередь, в Москве. В последнюю решено было немедленно командировать партийного курьера с подробными инструкциями.

В этот день, по предложению ленинградского комитета, Бюро Ц. К. была составлена боевая листовка, которая призывала:

„Все на борьбу. На улицу. За себя, за детей, за братьев.

„Всех зовите к борьбе. Лучше погибнуть славной смертью, борясь за рабочее дело, чем сложить голову за барыши капитала на фронте или зачахнуть от голода и непосильной работы.

„Впереди борьба, — заканчивалось воззвание, — но нас ждет верная победа. Все под красные знамена революпии. Долой царскую монархию. Да здравствует демократическая республика. Да здравствует 8-ми часовой рабочий день. Вся помещичья земля народу. Долой войну. Да здравствует братство рабочих всего мира. Да здравствует социалистический интернационал.“

Движение в этот день отличалось от предыдущего только количеством участников, которое значительно увеличилось, обострением борьбы с полицией и более повышенным боевым настроением масс.

Воинские и полицейские цепи около мостов были прорваны чуть ли не с самого утра, и рабочие толпами устремились к Казанскому собору,

на Невский, Литейный, на Знаменскую площадь.

Город принял вид военного лагеря. Полиция лихорадочно вооружалась. На крышах участков устанавливались пулеметы. Были мобилизованы все более или менее надежные воинские части. Командующий войсками делал последние попытки своими приказами приостановить движение. Но никто на них и внимания не обращал. Рабочие рвались в бой, требовали у организации оружия, настаивали на организации боевых дружин.

Партийная организация, вместо снабжения рабочих оружием, предлагала им перетянуть на свою сторону солдат, что является необходимым условием для успешного завершения борьбы.

Столкновения с полицией все более и более обострялись. В полицейские раз'езды сыпались камни. Среди полицейских были раненые и даже один убитый. Полицейские стреляли в безоружную толпу.

Своеобразное сопротивление оказывали воинским частям работницы и жены рабочих, принимавшие активное участие во всех событиях. Женщины хватались за винтовки, поднимали шум и крик, солдаты терялись, ряды их расстраивались, и команда, как воинская часть, выбывала из строя.

Вечером в городской думе состоялось заседание. Созвано оно было для обсуждения обострившегося продовольственного кризиса, но фактически оно превратилось в митинг, на котором с политиче-

скими речами выступали депутаты государственной думы, кооператоры и др. На собрании присутствовали и рабочие. Во время заседания в думу были внесены раненые на улице рабочие. Вид раненых вызвал сильнейшее возмущение собравшихся. Вместо обсуждения продовольственного кризиса, заседание закончилось принятием резолюции, которая требовала свободы слова, печати, собраний и т. п.

Царская охранка уже хорошо чувствовала приближение своего конца, и ее сводка так характеризует этот день:

„25 февраля забастовка рабочих продолжала разрастаться. По сведениям полицейских участков бастовало 240.000 рабочих. Этот день следует отметить как чрезвычайно тяжелый в действиях столичной полиции по прекращению уличных беспорядков, по жертвам, принесенным ею при исполнении долга службы (убит пристав, тяжело ранен полицеймейстер, ранено несколько других чинов), а также по тем отдельным случаям проявления войсковыми частями, участвовавшими в нарядах, пассивности и даже нетерпимости в отношении деятельности чинов полиции.“

В ночь с 25 на 26 февраля в разных частях города были произведены аресты. Были арестованы и пять членов петербургского комитета партии. Функции последнего Бюро Ц. К. были временно возложены на Выборгский районный комитет.

26 февраля было воскресенье и празднично одетые рабочие с раннего утра спешили пробираться в центральные части города.

Наряды полиции, казаков и воинских частей были усилены. Город был разбит на военные участки, к каждому из которых была прикреплена определенная воинская часть; начальниками участков являлись командиры этих частей.

Попасть с окраин в центр города было еще труднее, чем накануне, но напор хлынувшего со всех сторон людского потока преодолел все преграды и после полудня центральные улицы были переполнены рабочими.

То тут, то там, как из-под земли, появлялись манифестанты с красными знаменами. Раздавались революционные песни. Демонстранты стараются входить в переговоры с пехотными воинскими частями, почему-то надеясь, что пехотинцев легче будет перетянуть на сторону народа.

„Фараоны“ мрачны, но полны угрюмой решимости. Грубо напирают на толпу, то и дело хватаясь за винтовки. Время от времени слышна ружейная пальба и трескотня пулемета. Это засевшие на крышах участков и соседних домов полицейские и жандармы обстреливают демонстрантов. Стреляли со стороны Казанского собора, Знаменской площади, Садовой и др.

При первых выстрелах толпа обыкновенно бросалась на тротуары, ища защиты от царских пуль под воротами, за углами домов. Середина улицы мигом

пустела. Но как только стрельба прекращалась, улица снова наполнялась манифестантами.

В этот день рабочие оставили на улицах не мало убитых и раненых. На стрельбу полицейских безоружные рабочие отвечали камнями, избиением отдельных полицейских и жандармов.

Большой под'ем у демонстрантов вызвали имевшие в этот день место некоторые случаи выражения сочувствия восставшим со стороны отдельных воинских частей.

В первом случае взвод казаков выступил против полицейского отряда, расстреливавшего из револьверов манифестацию. При этом один из казаков зарубил шашкой пристава, командовавшего полицейскими.

Из уст в уста передавались и другие случаи колебания войск, отказа их стрелять в толпу и т. п.

Вообще в эти дни для всех стало ясно и очевидно, что решит борьбу то или иное поведение войск. И поэтому масса жадно ловила всякий слух, всякий признак поворота в настроении воинских частей. Об этом больше всего говорили демонстранты. Способы привлечения солдат на сторону восставших серьезно обсуждались в партийных кругах.

Описание, не совсем верное, конечно, некоторых эпизодов борьбы в этот день находим в соответствующей полицейской сводке.

„Сегодня, 26 февраля, в $3^1/_2$ часа дня, близ городской думы собралась толпа, по которой было произведено три залпа холостыми патронами, после

чего толпа рассеялась. В то же время происходила стрельба боевыми патронами по Лиговской улице, где были раненые. Значительные толпы, стекавшиеся на Знаменскую площадь, также были встречены боевой стрельбой, в результате чего оказались убитые и раненые. Стрельба боевыми патронами производилась на углу Невского и Владимирского проспектов, где собралась толпа в количестве около 1.000 человек, а также на углу Невского и Садовой, где скопище достигло приблизительно 5.000 человек. В последнем пункте убитых и раненых не оказалось, так как толпа, повидимому, унесла их с собой... На Знаменской площади чинами полиции подобрано около 40 убитых и приблизительно столько же раненых. На углу Итальянской и Садовой подобран труп прапорщика Павловского полка с обнаженной шашкой в руке. В 5 часов дня на углу 1-й Рождественской и Суворовского, произведенным войсками по собравшейся толпе залпом, 10 человек было убито и несколько ранено.

„ ... Наблюдалось в некоторых пунктах столицы появление воспитанников средних учебных заведений... с широкими повязками красного креста.. для уборки раненых и подачи им первой медицинской помощи. В тех же целях и слушательницы высших женских учебных заведений проникали в места доставки раненых, где вели себя по отношению к целям полиции, стремившимся их оттуда удалить, в высшей степени дерзко.

„Во время беспорядков наблюдалось, как общее явление, крайне вызывающее отношение буйствовавших скопищ к воинским нарядам, в которые толпа бросала каменьями и комьями сколотого с улиц снега. При предварительной стрельбе войсками вверх, толпа не только не рассеивалась, но подобные залпы встречала смехом. Лишь по применении стрельбы боевыми патронами в гущу толпы оказывалось возможным рассеивать скопища, участники коих, однако, в большинстве прятались во дворы ближайших домов и по прекращении стрельбы вновь выходили на улицу".

В понедельник, 27 февраля, рано утром рабочие начали собираться по фабрикам и заводам и устраивали митинги, на которых единодушно решали продолжать борьбу.

На Выборгской стороне рабочие пытались, в целях привлечения на свою сторону солдат, устраивать около казарм митинги, но были разогнаны офицерами, которые открыли пулеметный и ружейный огонь.

Однако, в этом районе солдаты первые начали переходить на сторону рабочих. В этот день некоторые воинские части с оружием в руках присоединились к рабочим, вооружили последних и совместно стали разоружать полицейских, освобождать арестованных и т. д. Позже здесь появились и броневики с красными знаменами, наполненные вооруженными рабочими и солдатами.

В этот же день выступила и четвертая рота Павловского полка. Узнав о том, что наряды их полка стреляли в „народ“, рота заволновалась и стихийно двинулась „на улицу“. Не имея оружия, рота бросилась в цейхгауз, захватила имевшиеся там 30 винтовок и запас пуль и отправилась в город. По дороге рота имела стычку с конным отрядом полицейских, но разогнала его. Против роты была двинута часть Преображенского полка, но, после переговоров с павловцами, они отказались стрелять. Павловцы целый день находились на улицах, расстреляли все свои патроны, а к вечеру вынуждены были вернуться в казармы. Ночью они были обезоружены и около 35 „зачинщиков“ были арестованы.

Одновременно почти с павловцами решили перейти на сторону рабочих и солдаты Волынского полка. Еще накануне вторая рота этого полка „манкировала“ при усмирении демонстрантов. Фельдфебель Кирпичников, а также взводные и отделенные, определенно решили не допустить ни одного выстрела со стороны своей роты. Соприкосновение же в течение всего дня 26 февраля с бурной революционной стихией вызвал и у них и у всей солдатской массы революционный под'ем. Ночью, после возвращения в казармы, состоялось тайное совещание фельдфебеля с другим низшим начальством, на котором было решено утром присоединиться к восставшим.

Утром 27-го взводные передали о состоявшемся решении своим командам. Последние единодушно

и радостно присоединились к нему. Вооружились. Разобрали из полкового цейхгауза сколько можно было патронов. Вслед за этой ротой были подняты и другие. Вскоре на дворе выстроился весь полк и под командой фельдфебеля Кирпичникова отправился „поднимать“ другие воинские части. Вскоре к выступившим волынцам присоединился Преображенский, а затем и Литовский полк.

Восставшие части отправились в город, по дороге присоединяя к себе отдельные заставы и патрули, снимая полицейские караулы.

За Литейным мостом солдатская масса слилась с рабочими Выборгского района и вместе повели наступление на участки и тюрьмы.

Весть о присоединении к восставшим нескольких полков быстро разнеслась по всем районам, всюду вызывая огромную радость и необычайный под'ем духа.

К вечеру уже почти весь город был в руках восставших. В руках царских опричников осталась только Петропавловская крепость, Зимний дворец и адмиралтейство, где засели царские министры.

Государственная дума была распущена, но она постановила не расходиться и выделила из своей среды „Временный комитет“.

В тот же день вечером в Таврическом дворце состоялось первое заседание наспех сколоченного Совета Рабочих Депутатов.

Вскоре пали и последние твердыни царской монархии — вынуждена была сдаться Петропавловская крепость, гарнизон которой рвался на улицу

к восставшим. Вслед затем было взято и адмиралтейство с засевшими там царскими министрами, которые были арестованы и под конвоем отправлены в Таврический дворец.

Догорали подожженные толпой огромное здание окружного суда, полицейские участки, жандармское управление — олицетворение царского самодержавия, главные устои, на которых царизм держался в течение веков.

Пала царская власть — восставший пролетариат и крестьянство в серых солдатских шинелях вырывали с корнем последние ее остатки.

Лихорадочно создавались советы солдатских и рабочих депутатов — источник будущей подлинно народной рабоче-крестьянской власти.

Партия вышла из подполья и начала развивать интенсивную и многостороннюю деятельность по укреплению одержанной победы.

Путь для дальнейшей борьбы — за действительное раскрепощение трудящихся масс, за социализм — был очищен. Главное препятствие — проклятый царизм — было устранено.

Первый этап борьбы был победоносно завершен. Воодушевленные победой рабоче-крестьянские массы начали усиленно готовиться к дальнейшей борьбе, к естественному завершению Февральской революции — к Красному Октябрю.

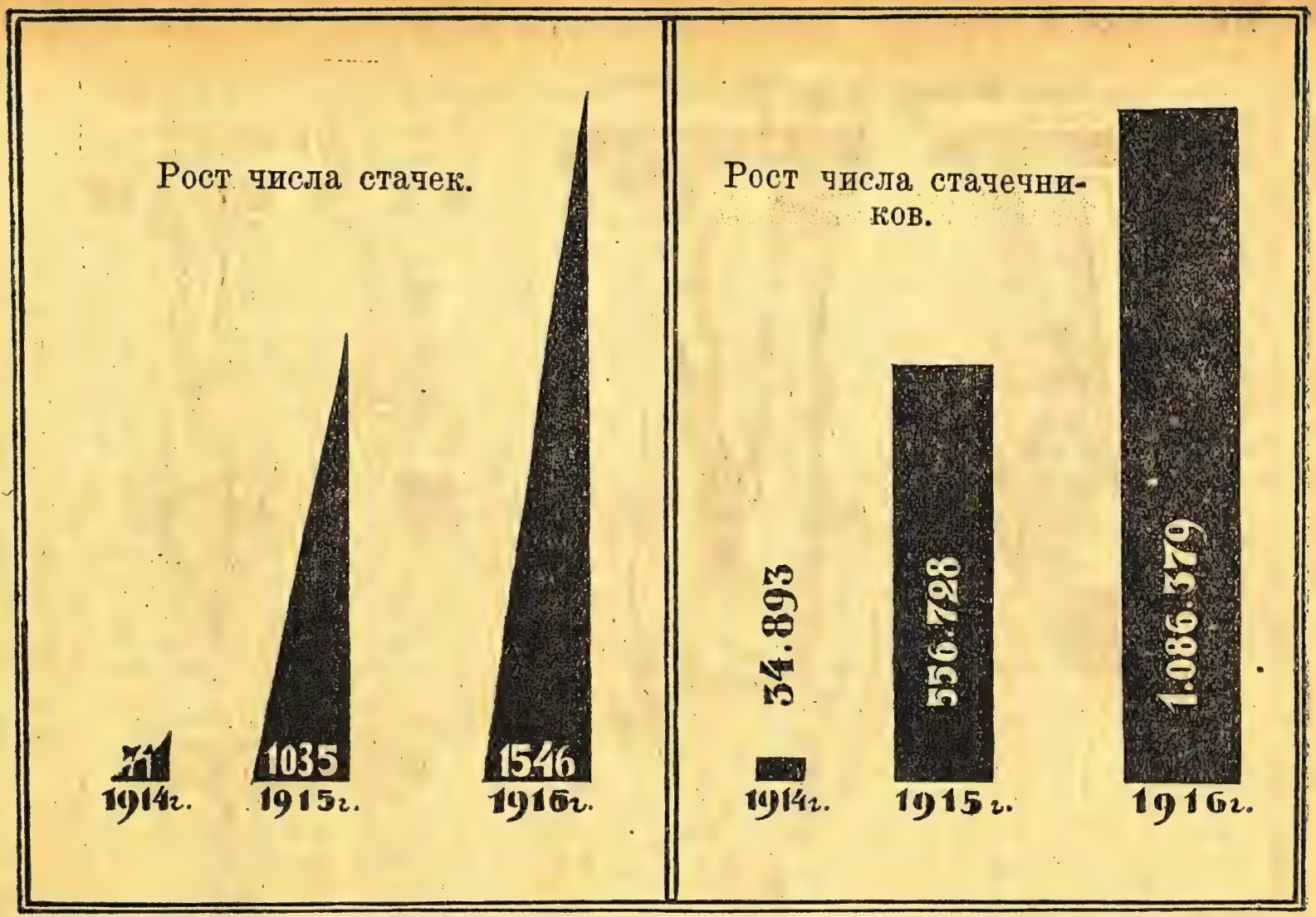
Забастовочное движение в годы империалистической войны [1]).

МЕСЯЦЫ	Общее число забастовок [2])		Экономич. стачки		Политические стачки	
	Число стачек	Число стачечников	Число стачек	Число стачечников	Число стачек	Число стачечников
1914 г.						
Август	24	24.688	22	22.738	2	1.950
Сентябрь . . .	10	4.661	10	4.661	—	—
Октябрь	10	1.184	9	1.153	—	—
Ноябрь	17	2.731	11	1.751	5	895
Декабрь	10	1.629	9	1.604	—	—
1915 г.						
Январь	21	10.353	14	6.814	6	2.039
Февраль	28	24.241	21	19.609	7	3.498
Март	26	15.368	20	10.409	6	4.959
Апрель	104	35.727	103	35.507	1	220
Май	162	59.055	149	57.732	13	1.323
Июнь	164	80.054	162	76.930	2	3.124
Июль	90	27.827	90	27.827	—	—

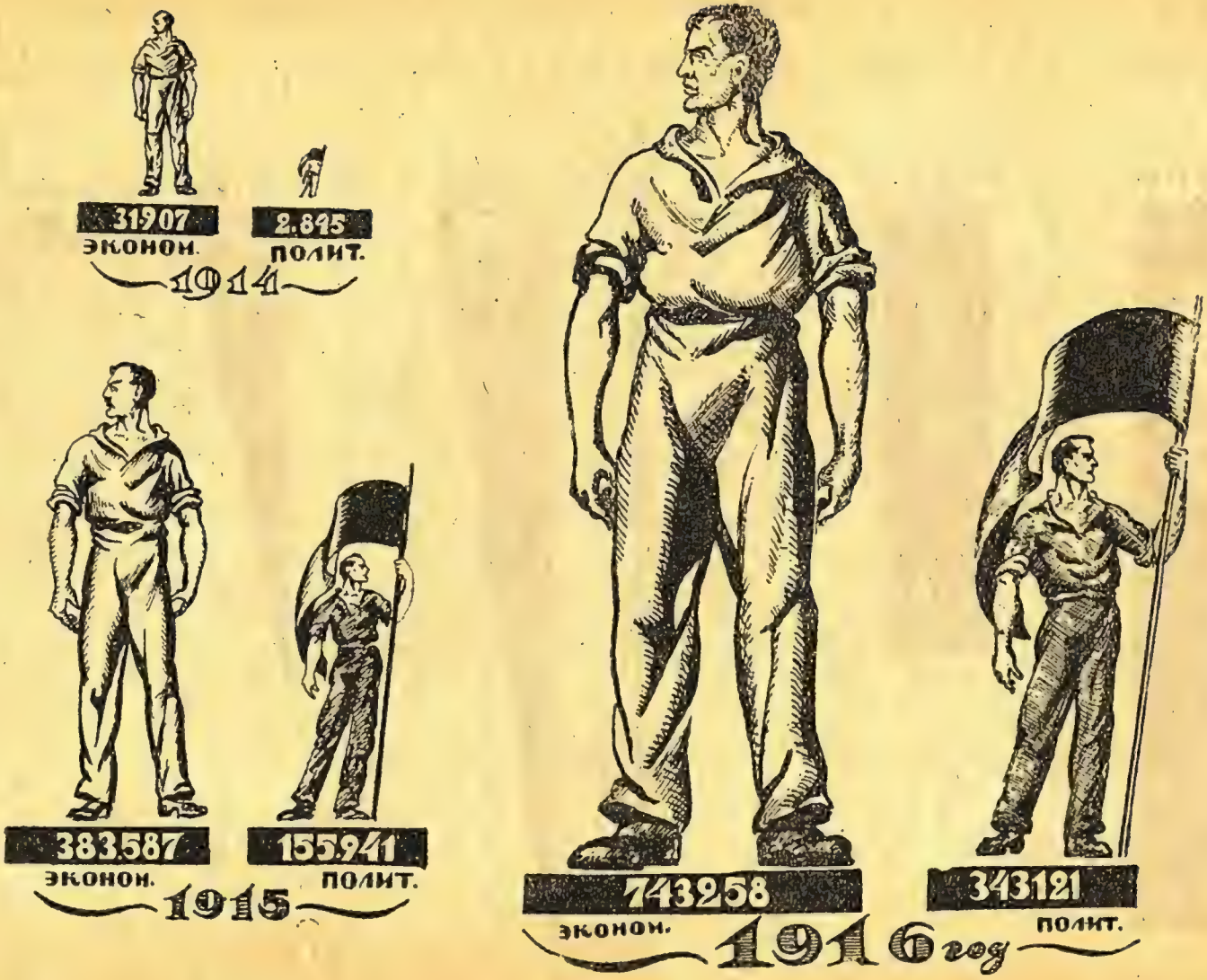
[1]) Из „Архива истории труда в России“ № 8. 1923 г.
[2]) Вместе с горными и горнозаводскими предприятиями.

МЕСЯЦЫ	Общее число забастовок [1])		Экономич. стачки		Политические стачки	
	Число стачек	Число стачечников	Число стачек	Число стачечников	Число стачек	Число стачечников
Август	76	54.625	26	10.696	50	43.929
Сентябрь . . .	184	113.866	69	26.245	115	87.621
Октябрь . . .	79	77.992	71	75.935	8	2.057
Ноябрь	54	39.543	48	33.437	6	6.106
Декабрь	47	17.077	46	16.118	1	959
1916 г.						
Январь	169	135.529	128	74.961	38	53.489
Февраль	118	94.559	104	82.528	4	9.450
Март	111	98.917	61	47.792	46	50.643
Апрель	166	125.086	150	96.302	7	16.147
Май	213	154.634	153	117.448	1	750
Июнь	156	113.142	118	90.459	5	9.870
Июль	85	77.544	81	64.402	1	12.115
Август	107	52.545	97	38.491	7	8.428
Сентябрь . . .	93	51.000	88	46.850	—	—
Октябрь . . .	202	187.475	79	48.603	119	138.531
Ноябрь	66	39.456	51	28.579	15	10.877
Декабрь	60	41.119	57	39.649	—	—

[1]) Вместе с горными и горнозаводскими предприятиями.



Забастовочное движение в 1914—1916 г.г.



Рост числа участников экономических и политических забастовок в 1914—1916 г.г.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

От автора 3

I. Накануне войны 5

Упадок рабочего движения в период реакции. — Первые признаки под'ема. — Рост рабочего и революционного движения. — „Ленские дни". — Возрождение рабочей прессы. — Борьба с „ликвидаторством." — Обострение политической борьбы рабочего класса. — Баррикады на улицах Петербурга накануне войны.

II. В начале войны 24

Можно ли было предвидеть войну. — Демонстрации петербургских рабочих против войны. — Настроение московских рабочих. — Позиция партийных организаций. — Декларация с.-д. фракции государственной думы. — Экономический кризис. — Сжатие промышленности. — Острая безработица в прифронтовых районах. — Борьба с „военной" безработицей в западном крае. — Попытки организации рабочей самопомощи жертвам войны.

III. Расправа с рабочими депутатами государственной думы 41

Арест пяти депутатов-большевиков. — Призывы партийных организаций к протесту. — В чем обвинялись арестованные. — Забастовки-протесты перед судом. — Осуждение и ссылка в Сибирь депутатов.

IV. Под гнетом военного пресса 47

Усиление эксплоатации рабочих. — Голод и нищета в рабочих кварталах. — Миллионные барыши капиталистов. — Казарменный режим на фабриках и заводах. — Военно-обязанные — рабы капиталистов. — Бессрочная каторга за забастовку. — Упадок настроения среди широких масс. — Бесправие

профсоюзов бороться с ухудшением условий труда.— Деморализация некоторых групп рабочих. — Первые стачки и репрессии. — Рост стачечной волны. — Экономические и политические забастовки в 1915 году. — Перелом в настроении рабочих масс.

V. Стихийные выступления 61

Стихийные выступления городской бедноты. — „Голодный" бунт в Москве. — Позиция организованных рабочих. — Погромная агитация полиции. — Немецкий погром в Москве. — Перелом настроения. — Пролетариат против погромного движения.

VI. На общественной поверхности. 69

Вылазки из подполья. — Рабочие на совещании по борьбе с алкоголизмом. — Подготовка к с'езду по борьбе с дороговизной. — Борьба большевиков с ликвидаторами. — Декларация рабочей фракции. — Отповедь рабочих делегатов вождю к.-д. Родичеву. — Требования рабочих.

VII. Борьба вокруг военно-промышленных комитетов 78

Ликвидаторы на помочах у капиталистов. — Попытка привлечь рабочих к сотрудничеству с буржуазией. — Борьба большевиков против „военно-промышленных социалистов." — Большинство рабочего класса против ликвидаторов. — Донос Гвоздева и сделка гвоздевцев с буржуазией. — Использование кампании партийными организациями. — Судьба „рабочих" групп.

VIII. Профсоюзы во время войны. 87

Разгром профдвижения накануне войны. — Тяжелая обстановка для союзного строительства и работы. — Профсоюзы — школа революционного марксизма. — Политические выступления московских союзов. — Профсоюзы против „военно-промышленных социалистов". — Усиление репрессий. — Оживление профработы. — Покушение царского сената на права союзов. — Из жизни и деятельности московского союза печатников в 1916 году. — Профсоюзы во время войны.

Стр.

IX. На под'еме 106

Непрерывное наростание движения. — Стачечная волна. — Против милитаризации труда. — Попытки возродить рабочую прессу. — Рост и углубление недовольства в армии и среди городского населения. — Буржуазно-помещичья оппозиция. — Близость начала конца.

X. Начало конца 115

Углубление революционной борьбы. — Грандиозное выступление 9 января. — „Полевение“ оборонцев. — Арест „рабочей“ группы. — Призыв к выступлению в день открытия государственной думы. — Контр-агитация партийного подполья. — Приготовления царского правительства к подавлению восстания. — Провокация Милюкова. — Стачка и демонстрации 13—14 февраля. — Наростание революционного движения в провинции.

XI. Падение царской монархии 138

Локаут путиловцев. — Работница на революционном посту. — Демонстрации и массовые столкновения с полицией. 23 февраля. — На следующий день. — Борьба за переправы в центр. — Уличные митинги. — Эпизод с казацким раз'ездом. — Лозунги бюро Ц.К. партии. — „Фараоны“ с пулеметами на крышах. — Рабочие требуют оружия. — Последние аресты. — Расстрел демонстрантов. — Павловский, Преображенский и Литовский полки на стороне революционеров. — Штурм царских тюрем и освобождение политических заключенных. — Роспуск государственной думы и образование „Временного Комитета“. — Первое заседание совета рабочих депутатов. — Падение последних твердынь царизма. — Конец первого этапа пролетарской борьбы, очистившего путь к Красному Октябрю.

Приложения 154

Таблицы и диаграммы: „Забастовочное движение в годы империалистической борьбы“

331
13-4/2
2372
1843
ГОСУДАРСТВ. ... ИСТОРИЧЕС... БИБЛИОТЕКА
ОБЪЕДИНЕНН... БИБЛИОТЕКА

D 1 C 13
2-12
57